

И. О. Гавритухин

Фибулы типа Удине-Планис

Keywords: fibulae of the Udine-Planis type, Italy, Crimea, Dnieper region.

Ключевые слова: фибулы типа Удине-Планис, Италия, Крым, Поднепровье.

I. O. Gavritukhin

Fibulae of the Udine-Planis Type

The author examines the history of studies of the fibulae of Udine-Planis type, and distinguishes series of such fibulae. The Italo-Germanic series (ca. 490—530 s.) was related to the Ostrogothic kingdom in Italy. The Balkan-Pontic series was shaped under the influence of the Ostrogothic samples; after 530-s. an important production centre developed in Bosphorus. The Danube-Dnieper series (ca. 6th c.) was formed in the Lower Danube area; this and the Middle Dnieper area have evidences of local production.

I. O. Gavritukhin

Фибулы типа Удине-Планис

Автор рассматривает историю изучения фибул типа Удине-Планис, обосновывает выделение серий. Итало-германская серия (ок. 490—530-х гг.) связана с королевством остготовов в Италии. Балкано-понтийская серия сформировалась под влиянием остготских образцов; после 530-х гг. развивается мощный центр производства на Боспоре. Дунайско-днепровская серия (ок. 6 в.) сложилась в Нижнем Подунавье, там же и в Среднем Поднепровье есть свидетельства местного производства.

Создается впечатление, что всю Европу, от Кавказа до Пиренеев, опоясал некий пояс «готской моды» или, если хотите, «гото-аланской». «Готской», конечно, сугубо условно, почти так же условно, как понятия «готический стиль» и «готический шрифт».

*М. Б. Шукин. Готский путь.
(цит. по: Шукин 2005: 495)*

Тип Удине-Планис был выделен Фолькером Бирбрауером, отнесшим к нему приписываемые остготам пальчатые фибулы со спиралевидными типами декора, имеющими: сегментовидную головную пластину, на которой поле с вертикальной решеткой окаймляла полоса спиралевидных ростков; на ромбовидной ножке узор того же типа расположен симметрично относительно вертикального ребра, выделенного по всей длине орнаментального поля; парные выступы на конце ножки, заканчивающейся изображением звериной головы, имели форму стилизованных птиц, дужка — рельефные полосы. Были указаны 3 такие находки (рис. 1: 42, 43, 45) и еще 2 пункта с фибулами, отличающимися мелкими деталями (рис. 1: 1, 5), а также аналогии (особое внимание уделено декору поля ножки) без птицевидных выступов на ножке,

и имеющие другие отличия (Bierbrauer 1975: 91—93, 106—107).

Основополагающие работы для изучения этих фибул (и не только их) принадлежат двум ученикам Оскара Монтелиуса — Бернхарду Салину и Нильсу Обергу.

Б. Салин, заложивший основы стилистического изучения пальчатых фибул, в работе, впервые увидевшей свет в 1904 г., рассматривал интересующую нас находку из «провинции Удине» (рис. 1: 43) в контексте форм, у которых звериная голова на конце ножке обрамлялась небольшими зооморфными фигурами. При этом он отметил, что лучшие образцы таких фибул известны в Подунавье, им близок ряд находок из Италии и Германии, а фибулы, характерные для Британских островов и Южной России, — производны от указанных (Salin 1935: 28—32, Fig. 64).

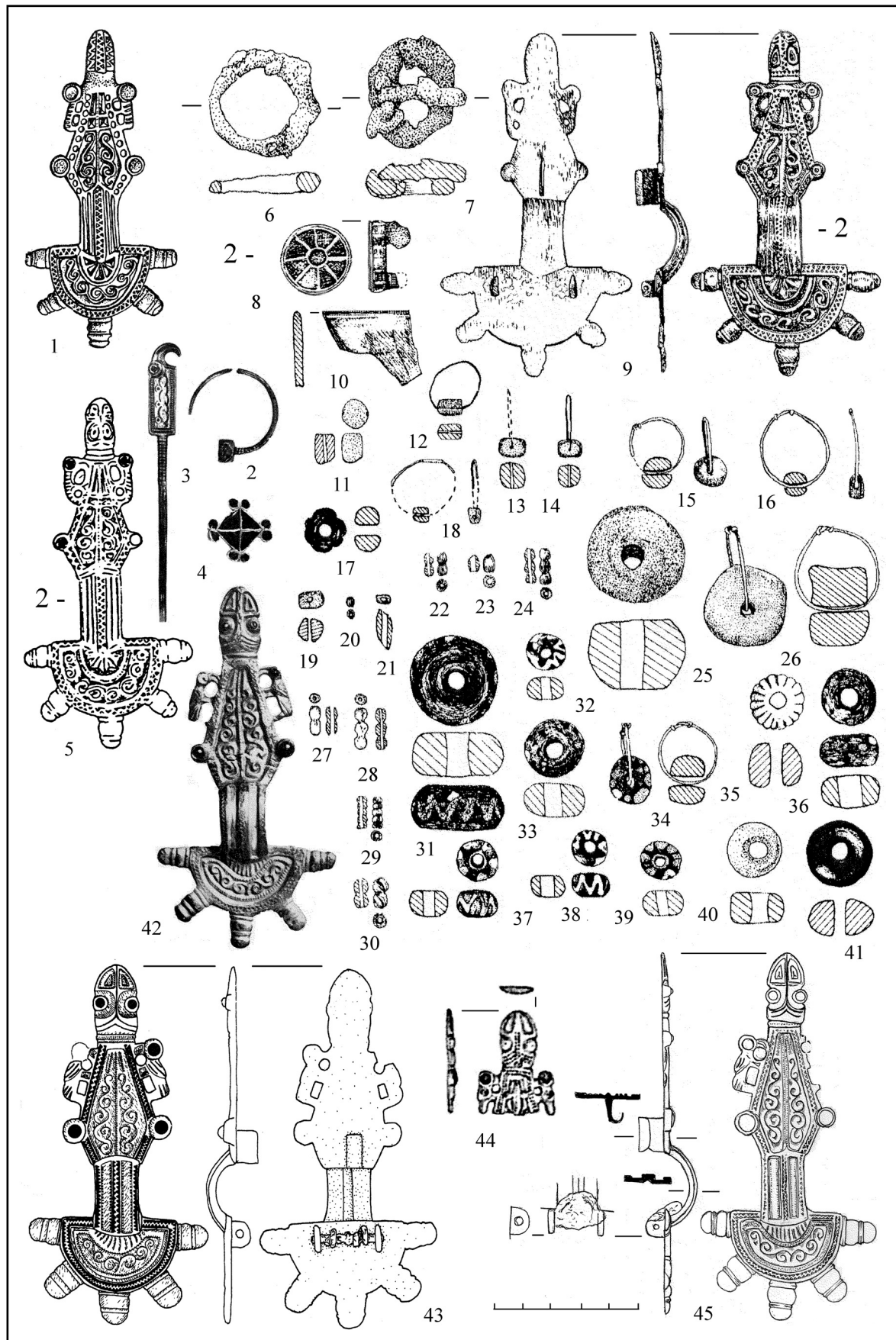

Рис. 1. Фибулы итало-германской серии типа Удине-Планис и комплексы с ними: 1—41 — вариант Лёррах — Торриано (1 — Торриано; 2—5 — Лёррах; 6—41 — Сен-Мартен-де-Фонтене, погр. 240); 42—45 — вариант Равенна (42 — Бинген, 43 — Удине, 44 — Зидани габер, 45 — Равенна).

Fig. 1. Fibulae of the Italo-Germanic series of the Udine-Planis type with associated grave goods: 1—41 — the Lörach —

Torriano variant (1 — Torriano; 2—5 — Lörrach; 6—41 — Saint-Martin-de-Fontenay, grave 240); 42—45 — the Ravenna variant (42 — Bingen, 43 — Udine-Planis, 44 — Zidani gaber, 45 — Ravenna).

Н. Оберг был первым, кто систематически описал древности германского круга из Италии (см. историографию в Bierbrauer 1975: 3—8). Среди пальчатых фибул он выделил группу застежек с ромбической ножкой и выступами для вставки алмандинов, показал её отличие от прочих, связав с готами (Åberg 1923: 17—20). Среди 34 таких образцов фигурирует и фибула из Удине (Åberg 1923: 16, 18, Fig. 28). Важным для дальнейших исследований оказался и намеченный типологический ряд, иллюстрированный тремя очень близкими по очертаниям экземплярами: от имеющих выющийся растительный декор (Rankenornamentik) к украшенным двойной переплетенной лентой (Åberg 1923: 17, Fig. 30—32).

Херберт Кюн создал свод и типологию пальчатых фибул, сейчас во многом устаревшие, но в целом остающиеся непревзойденными. Среди пальчатых фибул, имеющих ромбическую ножку и полукруглую головку, соотносимых в основном с готами, он выделил застежки с парными, имеющими форму протом или птицевидными выступами у окончания ножки, завершающейся изображением звериной морды, в тип №4 (Аквилея); впервые представил каталог и карту таких находок (Kühn 1940: 95—101; с дополнениями в Kühn 1974: Taf. 241—244). В этом массиве он отделил вещи, украшенные спиралями в виде ростков, датированные в рамках 450—550 гг., от имеющих орнамент в виде плетёной ленты, датированных 550—600 гг. Образцы из бассейна Рейна, имеющие аналогии в Италии, он без сомнений считал остготскими.

Начало нового этапа в изучении интересующих нас вещей положил Иоахим Вернер. Рассматривая фибулы остготского круга к северу от Альп, он обратил более пристальное внимание на качество металла, исполнения декора, проработки деталей изучаемых экземпляров на фоне аналогов (Werner 19616). Получился типологический ряд, показывающий деградацию уровня исполнения фибул от группы I (к ней отнесены все фибулы, выделенные позднее Бирбрауером в тип Удине-Планис, и ряд других) к группе III, в целом аналогичный тому, что наметил еще Н. Оберг. То, что этот ряд имел не только типологическое, но и хронологическое значение, подтверждали археологические и исторические реперы. Пара фибул группы I была известна в кладе 1957 г. из Реджио-Эмилия с 60 солидами, выпусков от Маркиана до Зенона (между 450 и 491 гг.),

но почти идентичная пара застежек происходит из тюрингского могильника Гисперлебен. Есть в Тюрингии и другие находки остготского круга. Близкие остготско-тюрингские контакты начались в 510 г., когда Теодорих Великий выдал свою дочь Амалабергу за тюрингского короля Херминафрида, но в 531 г. франки нанесли тюрингам поражение, стоившее тем независимости. Исходя из сказанного, И. Вернер получил для фибул группы I репер — начало VI в. В зоне севернее Альп было отмечено лишь по одной находке групп I и II, но много группы III. Аналогичную картину давали монеты, использованные в качестве «оболов Харона», их «Münzstorm» представлен чеканкой Юстиниана Великого в Равенне (555—565 гг.) и готского короля Витигиса (534—541 гг.). Это соответствовало и другим археолого-историческим реперам, предложенным для группы III, определяя ее датировку и верхнюю хронологическую границу фибул группы I.

Наблюдения учителя Ф. Бирбрауер переработал критически. Он отметил, что состав костюма и способ ношения остготских фибул в могилах к северу от Альп — явно не готские; фибулы групп I и II, количество которых заметно больше, чем учтено И. Вернером, принадлежат одному контексту, т. е. фактически вернулся на новой базе, подтвержденной сериацией признаков, к «двучастной» группировке, как у Х. Кюна. В отношении хронологии он обратил внимание на отсутствие ранних фибул (группа «со спиралевидными типами декора»; I и II по И. Вернеру) на могильниках баюваров, начало которых он вслед за Х. Цайсом и другими исследователями относил к 530—540 гг. В ранней группе он выделил ведущие типы, в их числе и Удине-Планис. Для его датировки важен комплекс из Лёрраха-Тумрингерштрассе с парой фибул одной из вариаций типа Удине-Планис и перстнем (рис. 1: 4), как в Пуста-Бакод, Берегово, в «Ольвийском кладе» из коллекции Дамбартон Оукс, отнесенным ко 2-й половине V в. — около 500 г. Однако богатых пальчатых фибул, показательных для этого горизонта в Подунавье, нет в Италии, что давало нижнюю хронологическую границу итало-остготских фибул, неоднократно встреченных и с птицевидными брошами, датированными 1-й половиной VI в. Была учтена и аргументация И. Вернера. Таким образом, основные результаты исследования Ф. Бирбрауера, хоть и с существенны-

ми уточнениями, оказались близки к выводам И. Вернера: рассмотренные фибулы можно соотносить с королевством остготов в Италии и на северо-западе Балкан, их ранний горизонт датируется концом V — 1-й третью VI вв., поздний (с декором в виде плетеной ленты) — 2-й третью VI в. (Bierbrauer 1971; 1975: 85—114).

Критические замечания к этой концепции развернуто сформулировал Манфред Менке (о др. критиках см. Bierbrauer 1995: 585). Он дополнил карту фибул, соотносимых оппонентами с остготами в Италии, рядом новых находок за ее пределами, обвинил И. Вернера и Ф. Бирбрауера в смешении археологической и исторической аргументации (*gemischte Argumentation*) при датировке находок. Обратившись к анализу собственно археологического материала, М. Менке отметил, что клад из Реджио-Эмилия датируется не только выразительным набором монет, но и другими вещами, представленными в комплексах горизонта Апахиды — Блущина — Турне, т. е. эпохой до появления Теодориха Великого в Италии, а близкие пальчатые фибулы могли попасть как из Италии в Тюрингию, так и наоборот. Ту же дату имеет и ряд других восточногерманских находок из Италии и их аналоги, включая важный для нас комплекс из Лёрраха, о чем, кроме перстня (показательного для комплексов 2-й половины V в., ср. выше), свидетельствует булавка (рис. 1: 3), аналог которой известен, например, в Лауриаке, где датирован эпохой св. Северина (то есть до эпохи Теодориха). Ряд фибул из Южной Германии вполне соответствует тесным контактам этого региона со Средним Подунавьем, что иллюстрируют и другие находки, датируемые V в. Эта линия контактов продолжается до Семиградья и Тамани. К эпохе св. Северина относится и формирование баюваров, в культуре которых прослеживаются дунайско-свевские корни. Таким образом, многие восточногерманские вещи в Италии могут принадлежать эпохе Одоакра, длившейся более 20 лет до гибели этого короля в 493 г. (Menke 1986).

Связь ряда итальянских находок со стилями фазы D3 в развитии восточногерманского женского убора (около 450/460 — после 480/490 по Bierbrauer 1992; 440/450 + x лет во 2-й половине V в. по Bierbrauer 1995) не отрицается и Ф. Бирбрауером, отметившим, что отнесение М. Менке ряда вещей именно к эпохе Одоакра не безусловно (в принципе, они могут быть даже и более ранними) и не свободно от «смешанной» аргументации; некорректен и ряд стилистических сопостав-

лений оппонента, а соотнесение конкретных фибул и пряжек с узкими датами, основанными на письменных источниках, не может быть надежно обосновано (Bierbrauer 1992: 270—275; 1995: 575—579, 582—587, 592; там ссылки на другие работы).

В целом, восточногерманские находки в Италии Ф. Бирбрауер считает возможным распределить по 3 периодам: 1-й половины — середины V в.; 2-й половины V в. и около 500 г.; около 500 г. — 1-й половины VI в. (Bierbrauer 2007). Понять, относятся ли вещи II периода к германским группам 451—452 гг., федератам Рицимера, отрядам Одоакра (с 469/470 г.) или Теодориха (с 488/489 г.), которые могли принести и более ранние вещи, можно далеко не всегда, но в отношении интересующего нас типа Удине-Планис, включая вариант Лёррах — Торриано, Ф. Бирбрауер не изменил «итало-готскую» атрибуцию (Bierbrauer 1992: 271; 1995: 577, 579, 585). Позицию, близкую изложенной, но с учетом ряда замечаний М. Менке, заняли и другие исследователи (например, Tejral 2002: 326—328; Шукин 2005: 396—398; Kazanski, Périn 2009: 158, 163—164).

Следует отметить, что ряд фибул, отнесенных Ф. Бирбрауером к остготским, датируется именно временем существования Остготского королевства в Италии (конец V — 1-я половина VI вв.) по новейшим разработкам меровингской хронологии (например, Koch 2001: 74—75, признак F47; Losert, Pleterski 2003: 93—99, 101; см. также ниже о хронологии типа Удине-Планис). Остготская атрибуция фибул типа Удине-Планис и близких им принимается авторами публикаций недавних находок (например, Pilet 1994; Bitenc, Knific 2008) и каталогов (например, Goti... 2006; Эпоха Меровингов... 2007). Восприятие проблемы рядом современных западных ученых отражает работа Ульрике Тренкманн, где новым является взгляд на фибулы типа Удине-Планис в контексте фибул с изображением пары животных (но не протом) на ножке, что не повлияло существенно на выводы. Эти вещи рассматриваются в рамках образцов влияния готской моды и интерпретируются в основном в русле работ Ф. Бирбрауера, а учтенные в основном по западноевропейским публикациям «южнорусские» находки обсуждаются весьма осторожно (Trenkmann 2008a; 2008b).

Изучение фибул из южных областей европейской части Российской империи и СССР довольно долго шло в основном параллельно описанной выше историографической линии.

Находки здесь пальчатых фибул большинство отечественных исследователей конца XIX — начала XX вв. огульно считало «готскими». Эту позицию пересмотрели в 1920-е гг., получив при этом сходные выводы, правда, по разным основаниям.

Рассматривая пальчатые фибулы из Керчи в духе стадийной теории Н.Я. Марра, Леонид Антонович Мацулевич считал, что они отражают развитие универсальных идей на местной почве, что снимало вопрос о «приоритетах», направлениях миграций и т. д. Расцвет производства интересующего нас (как рис. 2: 1; 5: 1; 6: 28 и т.п.) и ряда других типов пальчатых фибул относится к эпохе, когда «Боспор стал феодальным центром широкой области» (Мацулевич 1934: 108—116). Комплексы с ними из Керчи были датированы в пределах конца IV — 1-й половины/середины V вв., из Южного Крыма — несколько более поздним временем (Мацулевич 1926: 43—48).

Исходя из формальной схемы развития южнорусских пластинчатых фибул (от имеющих гладкие пластины к усложняющимся пальчатым с рельефной орнаментацией) Александр Петрович Калитинский пришел к выводу о связи этой эволюции с мастерскими Крыма, прежде всего Боспора, и развивающимися на этой основе другими восточноевропейскими центрами. Интересующие нас фибулы были отнесены им к варианту 2 типа 6, представленному образцом из «Суук-Су» (имелась в виду находка из Артека, рис. 5: 22, см. каталог ниже), что соответствует стадии, датированной 1-й половиной — серединой V в., опираясь на хронологию Л.А. Мацулевича (Калитинский 1928: 291—292, 302—308).

Пересмотр этих взглядов был связан с передатировкой нижнего слоя Суук-Су, начатой В.К. Пудовиным. Материалы этого и схожих памятников были отнесены ко 2-й половине VI — 1-й половине VII вв. и разделены на ранний и поздний этапы (Пудовин 1961). Соответственно с хронологией раннего этапа (2-я половина VI в.) сдвинулась и верхняя дата интересующих нас фибул. Ее подтверждают и собственно керченские материалы, имеющие аналогии в древностях типа Суук-Су не только среди фибул, а также аналогии находкам из Керчи среди византийских пряжек (Пудовин 1962). Тем не менее, вопрос о появлении и эволюции восточноевропейских пальчатых фибул решался в старых традициях. В.К. Пудовин, наметивший их эволюционные ряды, отнес к исходным формам интересующих нас застежек керченские находки (как рис. 2: 1; 5: 1; 6: 28 и т.п.), да-

тированные концом V — началом VI вв. В качестве производной от них рассматривалась фибула из Черкасс (рис. 8: 5), затем — типа находки из Хмельны и с Боспора (рис. 8: 3, 7). Производными от керченских В.К. Пудовин считал и схожие остготские фибулы, имеющие свою линию дальнейшего развития, показанную Х. Кюном.

В рамках VI в. или 1-й половиной VI в. датировал интересующие нас крымские фибулы И. Вернер, опираясь на общее представление об эволюции пальчатых фибул, но рассматриваемые здесь фибулы, по его мнению, принадлежали разным традициям — «остготской» и «крымско-готской», соотношение которых не обсуждалось (Werner 1950: 161; 1961a: 29—32; см. также о его работах выше).

Логическое завершение подхода, наченного В.К. Пудовиным и И. Вернером, было сделано Анатолием Константиновичем Амброзом, чьи работы (или дискуссия с ними) во многом определили в русскоязычных научных традициях дальнейшее изучение древностей эпохи Великого переселения народов. В рецензии на книгу И. Вернера он показал, что керченские комплексы, опорные для датировки рассматриваемых нами фибул, в основном синхронны Суук-Су и наиболее реальная их дата — в рамках VI в., а большинства — около 2-й половины этого столетия (Амброз 1966: 213—214). Более дробная периодизация Суук-Су позволила уточнить, что в Южном Крыму керченские фибулы употреблялись до эпохи, когда вместо местных двупластинчатых фибул стали активно использовать в основном привозные пальчатые, т. е. и в VII в., по крайней мере, до его середины, хотя начало собственного производства пальчатых фибул на Боспоре относится к 1-й половине VI в. (Амброз 1971: 104—106; 1988; 1994: 35—39, 45—46).

Не менее важен сформулированный А.К. Амброзом к концу 1960-х гг. вывод, что фибулы и пряжки «керченских типов», как и южнокрымский убор круга Суук-Су, являются параллельными линиями развития стилей, истоки которого связаны с восточногерманской культурой Подунавья и Италии. Появление в Причерноморье новых форм объясняется дальними связями, сохранявшимися у восточногерманских народов, несмотря на миграции (Амброз 1968; 1992: 76—82). Были предложены и конкретные гипотезы о появлении в Крыму ряда тех вещей дунайских германцев, которые стали прототипами крымских изделий: в ходе контактов с гепидами через восточноевропейские степи; с гепидами, бежавшими после падения их

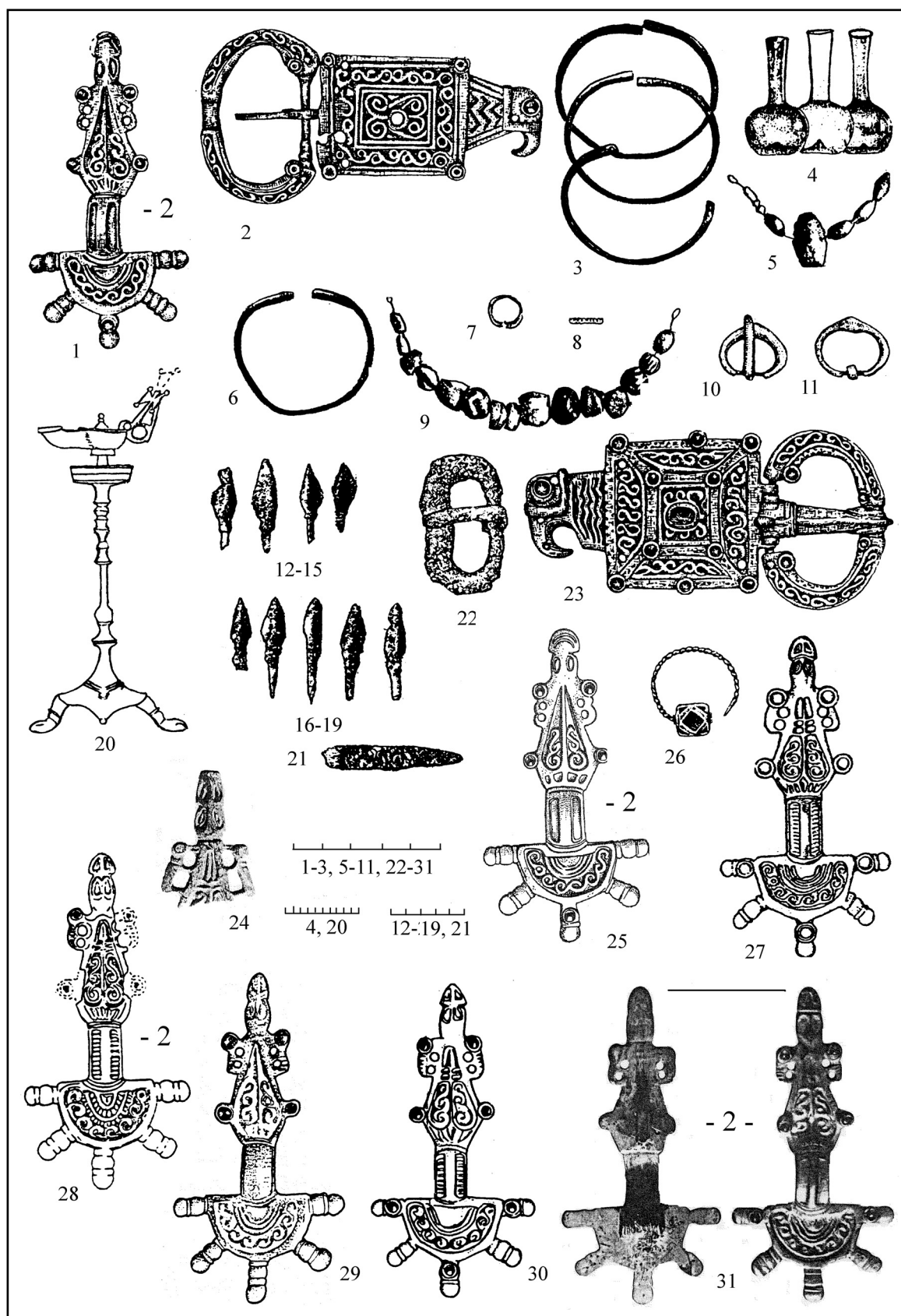

Рис. 2. Фибулы балкано-понтийской серии типа Удине-Планиц и комплексы с ними: 1—23, 25 — варианта 4 (1—23 — Керчь, склеп 152/1904: 1—5 — верхнее захоронение, 6—23 — из нижних; 25 — Керчь, собрание ГЭ); 24, 26, 27, 29—31 — варианта 1 (24 — Северо-Восточная Болгария; 26, 27 — Керчь, погр. 1/1977; 29 — Войниково; 30 — Керчь, могила 1875 г.; 31 — «Тамань»); 28 — особого варианта из Печинска Рика.

Fig. 2. Fibulae of the Balkan-Pontic series of the Udine-Planis type with associated grave goods: 1—23, 25 — the 4th variant

(1—23 — Kerch, vault 152/1904: 1—5 — from the top burial, 6—23 — from the bottom burials; 25 — Kerch, Hermitage collection); 24, 26, 27, 29—31 — the 1st variant (24 — Northeastern Bulgaria; 26, 27 — Kerch, grave 1/1977; 29 — Vojnikovo; 30 — Kerch, grave of 1875; 31 — “Taman”); 28 — the separate variant from Pechinska Rika.

королевства в 568 г.; с готскими полками, посланными Юстинианом Великим на Боспор в 527 г. (Веймарн, Амброз 1980: 260).

В целом к близким выводам пришла Ирина Петровна Засецкая, чьи работы составили эпоху в изучении керченского некрополя эпохи Великого переселения народов. Интересующие нас фибулы она рассматривает среди позднейших из боспорских, указав, что в керченском некрополе они показательны в основном для периода III по ее периодизации, синхронного ранним комплексам Суук-Су. К переходным от периода II к III она отнесла склеп 78/1907 (рис. 6), отметив среди находок в нем как наличие аналогий в Суук-Су, так и более ранние вещи, а также отсутствие основных маркеров периода III — керченских орлиноголовых пряжек, поясов с геральдическими накладками, поздних вариантов колб. Верхняя хронологическая граница некрополя связывалась с упадком Боспора «после разгрома 580 г.» и «под властью хазар», а датировалась в рамках 1-й половины VII в., причем границы III периода были определены «2-й половиной VI — началом VII вв.» (Засецкая 1990; 1998: 398, 430—437).

Особенно важно для нашей темы представленное И.П. Засецкой специальное исследование боспорских пальчатых фибул, сопровождаемое их первым систематическим каталогом. Интересующие нас образцы были отнесены к виду III, подразделенному на 3 подвиды по особенностям орнаментации и 3 варианта по особенностям боковых выступов, что дало 4 низшие таксономические единицы (Засецкая 1998: 398—406). Вид III рассматривается ею как боспорский вариант фибул типа Удине-Планис, производный от «поздних вариаций» западных образцов (Засецкая 1998: 414—417). В вопросе о происхождении боспорского варианта она не отрицает гипотезу М.М. Казанского (см. ниже), но важнейшим фактором считает переселения остготов после падения их королевства в Италии (Засецкая 1998: 427, 438; 2005: 61; более конкретно эта возможность описана Марком Борисовичем Шукиным (2005: 463—465); см. также ниже). Длительность производства таких фибул на Боспоре И.П. Засецкая определяет как небольшую, опираясь на исследование Р.С. Минасяна, показавшего, что среди керченских находок можно выделить те, что выполнены или ремонтировались одним мастером, и что есть случаи, когда положенные

в могилы отремонтированные фибулы непригодны для застегивания. То есть в поздних комплексах это был символический элемент костюма, для которого использованы фибулы, сделанные заметно раньше (Засецкая 1996: 436—437; Минасян 1996).

Крупнейший знаток крымских древностей эпохи Великого переселения народов, Александр Ильич Айбабин, сначала ужесточил позиции А.К. Амброза. Фибулы «керченского варианта» типа Аквилея (по Х. Кюну) он датировал в рамках 1-й и 2-й половины VII в., указав на возможность отнести к этому времени южнокрымские аналоги вещам, встреченным с такими фибулами в Керчи (Айбабин 1990: 21—22). Находки из его раскопок в Лучистом, давшие уникальный материал для изучения многих сторон истории и культуры не только Крыма, заставили смягчить суждения. Фибулы, близкие керченским (типа Удине-Планис), он предложил рассматривать в рамках трех вариантов, различающихся по «технике орнаментации», причем лучше всех сделанный вариант 1 представлен только в Подунавье и западнее, вариант 2 — в Подунавье и в Крыму, завершающий ряд вариант 3 — в Керчи и на Кубани. Погребение 1 в склепе 77 из Лучистого, где найдена фибула варианта 2 (рис. 3—4), было отнесено к концу VI — началу VII вв., а сам этот вариант — к концу VI — 1-й половине VII в. (Айбабин, Хайрединова 1996). Позднее указанный репер был передатирован на 2-ю половину VI, возможно, до начала VII в. (Айбабин 1999: 111, 314). В свете новых находок и исследований было снято разделение фибул типа Удине-Планис на варианты 2 и 3, а опорные комплексы с ними из Лучистого (рис. 3: 1—13; 5: 18—19, 23—24) отнесены ко 2-й половине VI в. (Айбабин, Хайрединова 2008: 28, рис. 14—16). Однако для типа в целом предложена датировка в рамках 2-й половины VI—VII вв., исходя из находок в керченском склепе 180/1904, отнесенных ко 2-й половине VII в. (Айбабин, Хайрединова 2008: 55).

Упомянутые выше «дунайские» (точнее — северобалканские) фибулы типа Удине-Планис многие авторы традиционно соотносили с остготами. При этом Зденко Вински, долгое время бывший ведущим специалистом по древностям эпохи Великого переселения народов на севере Балкан, обратил внимание, что пара фибул из погребения

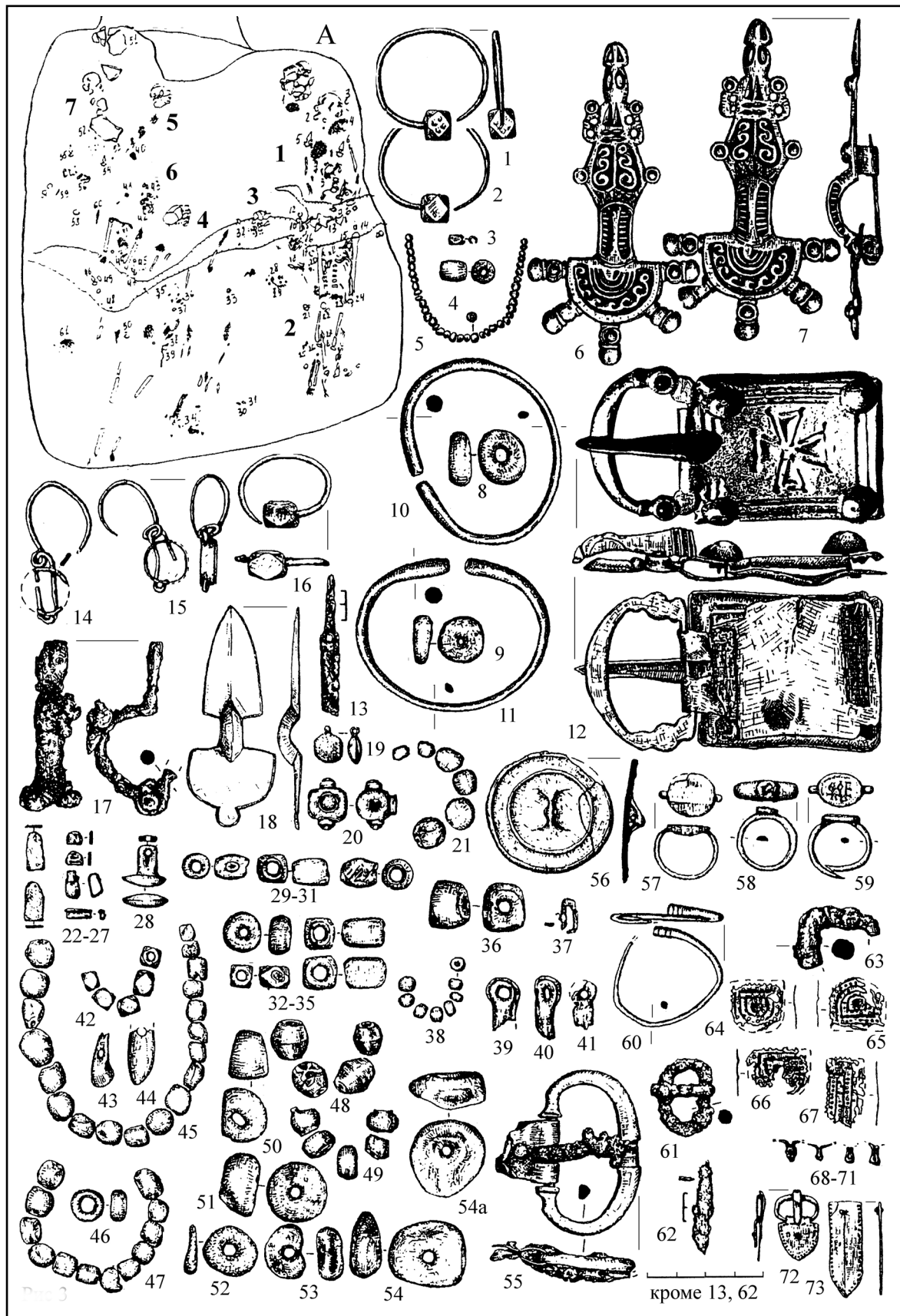

Рис. 3. Лучистое, склеп 77 (начало): 1—13 — погр. 1 (6, 7 — вариант 1 балкано-понтийской серии типа Удине-Планис); 14—62 — погр. 2; 63—73 — между погр. 2 и 3.

Fig. 3. Luchistoje, vault 77: 1—13 — grave 1 (6, 7 — the 1st variant of the Balkan-Pontic series of the Udine-Planis type); 14—62 — grave 2; 63—73 — between grave 2 and 3.

ния в Печинска Рика (рис. 2: 28) отличается от схожих итальянских экземпляров, и сопоставил такие фибулы с образцами, представленными в Войниково, Артеке, Керчи (рис. 2: 29, 31; 5: 22, 7: 38, 40 и т. п.), назвав эту традицию «понтійско-подунайской» (Vinski 1973: 205, 216).

Ф. Бирбрауер, обсуждая ряд балканских находок, подчеркнул, что часть из них может быть связана с остготами, бывшими до похода Теодориха Великого в Италию византийскими федератами на Балканах, однако неясно, какие вещи соотносимы с этими контингентами, а какие с готами, не ушедшими в Италию в 488 г. (Bierbrauer 1995: 592; ср. Fiedler 1992; 95).

Анна Хараламбиева в цикле работ, посвященных фибулам эпохи Великого переселения народов на территории Северо-Восточной Болгарии, вопрос о принадлежности фибулы из Войниково остготской или крымско-готской традиции предпочла оставить открытым (Хараламбиева 1992: 140; Haralambieva in print). Позднее она опубликовала ряд новых находок из Северо-Восточной Болгарии, в т. ч. свинцовый фрагмент, интерпретированный как литейная модель для фибул типа Удине-Планис (рис. 8: 2; Haralambieva 1992: 394, Tab. II: 3; Haralambieva in print: №7). Всего к типу Удине-Планис или связанным с ним формам А. Хараламбиева отнесла не менее четырех находок с территории Болгарии. Без специальной аргументации она датировала их последними десятилетиями V в., подчеркнув длительное использование некоторых из них на протяжении VI в. восточными германцами, жившими в византийских провинциях Нижняя Мёзия и Скифия, или «остготами, мигрировавшими между Крымом и Италией» (Хараламбиева 1992: 140; Haralambieva in print).

Михаилом Михайловичем Казанским на уровне конкретных вещей был поставлен вопрос о возможном влиянии именно нижнедунайских готов на ряд новаций в культуре Крыма, фиксируемых начиная с эпохи Юстиниана Великого (Kazanski 1996: 328—331; ср. выше об идеях А.К. Амброза). Обсуждались М.М. Казанским и другие механизмы гото-гепидских влияний в Крыму, в т. ч. через готов, ушедших из Италии после падения их королевства (Kazanski 2009: 410—411; это перепечатка текста каталога, изданного в 1999 г., т. е. практически одновременно с публикациями такой же гипотезы И.П. Засецкой — М.Б. Шукина). В контексте поиска возможного «передаточного звена» от фибул остготов к понтійским вариантам

стала обсуждаться и упомянутая атрибуция 3. Вински (Гавритухин 1997: 28; Засецкая 1998: 417; Гавритухин 2003: 68; Гавритухин, Казанский 2006: 314).

Таким образом, современный уровень изучения пальчатых фибул восточногерманского круга вновь потребовал непосредственного объединения достижений в изучении находок из Восточной Европы и из более западных регионов.

Наброски к анализу восточноевропейских фибул восточногерманского круга были опубликованы мной в основном тезисно. Было показано, что фибулы, относимые Х. Кюном к типу Аквилея, связаны с несколькими традициями, не исчерпывающимися даже в Восточной Европе понтійской серией типа Удине-Планис и другими типами, связанными с боспорским производством; отмечен избирательный характер распространения изделий боспорских мастеров; поставлен вопрос о выделении форм, связанных с формированием школ, на основе которых сложилось производство пальчатых фибул пост-восточногерманского круга (Гавритухин 1997; 2003; Гавритухин, Пьянков 2003; Гавритухин 2007; 2010a).

Избирательность распространения изделий боспорских мастеров более детально была рассмотрена в нашем с М.М. Казанским специальном исследовании на материалах Кавказа. В нем дан и дополненный после каталога И.П. Засецкой список находок понтійской серии фибул типа Удине-Планис, модифицирована гипотеза о связи формирования таких фибул с появлением солдат и их жен восточногерманского происхождения в составе контингентов, введенных Византией при утверждении контроля над Боспором в начале 530-х гг. (Гавритухин, Казанский 2006: 304, 314—319, 339).

Таковы историографические предпосылки, на основе которых строится предлагаемое понимание фибул типа Удине-Планис.

Наиболее подробно фибулы типа Удине-Планис, как было отмечено, описаны Ф. Бирбрауером и И.П. Засецкой. При этом застежки, близкие находкам из Удине, но без птицевидных выступов у окончания ножки или с выступами в форме птичьих протом, по-моему, логичнее не относить к этому типу, учитывая:

1) устойчивость и значимость признака «птицевидная форма выступов у окончания ножки» для всех серий типа (см. ниже);

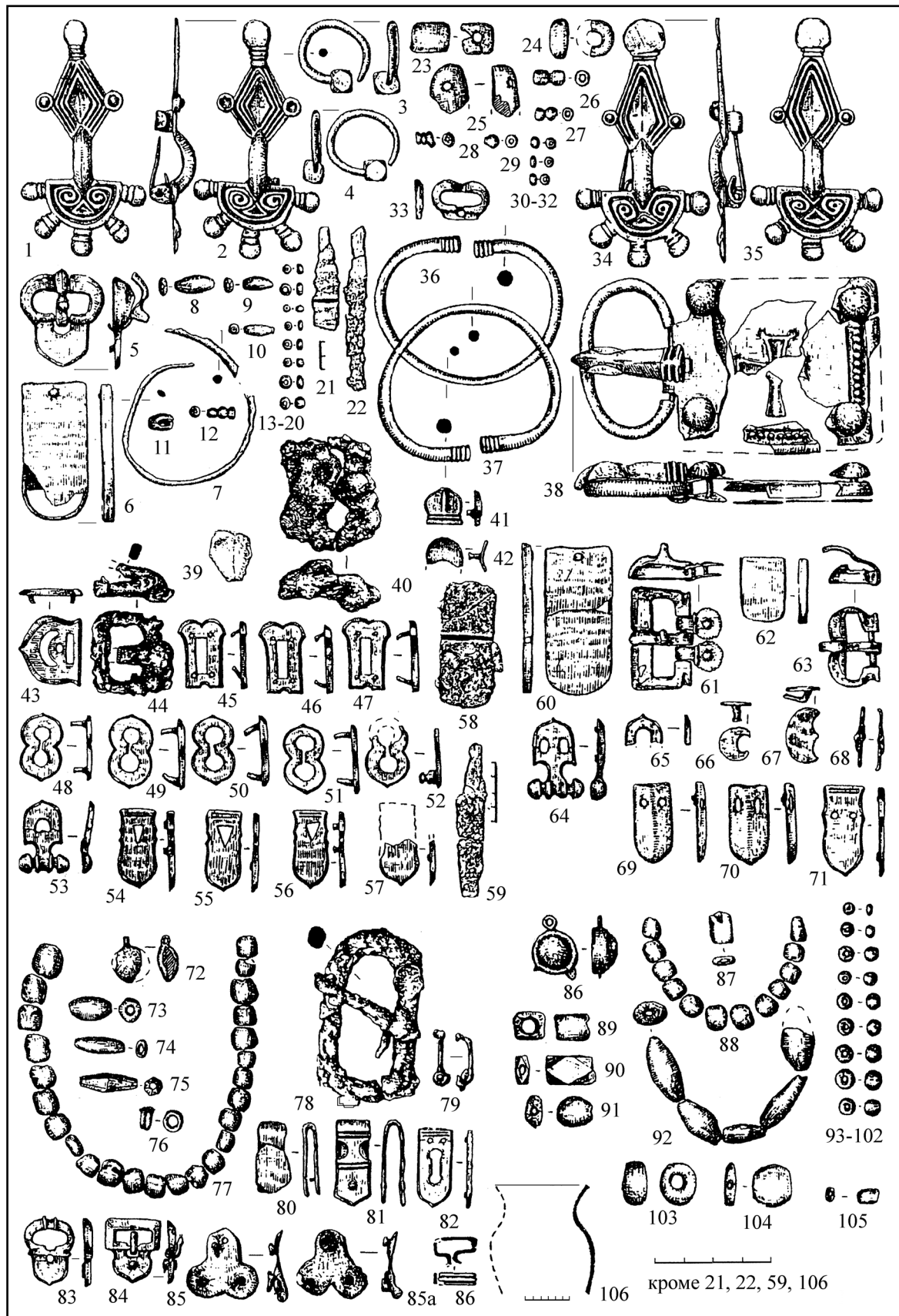

Рис. 4. Лучистое, склеп 77 (окончание): 1—20 — погр. 6; 21—38 — погр. 7; 39—59 — погр. 4; 60—71 — погр. 5; 72—85 — погр. 3; 86—106 — у северо-западной стенки камеры.

Fig. 4. Luchistoje, vault 77: 1—20 — grave 6; 21—38 — grave 7; 39—59 — grave 4; 60—71 — grave 5; 72—85 — grave 3; 86—106 — by the northwest wall of the vault.

2) наличие схоже орнаментированной плоскости ножки не только у экземпляров, отмеченных Ф. Бирбрауером, но и у более широкого круга находок (этот признак заслуживает особого рассмотрения).

В то же время представляется, что к рассматриваемому типу принадлежит и ряд экземпляров, не учитывавшихся упомянутыми авторами, например, образцы, указанные В.К. Пудовиным.

Таким образом, на фоне пальчатых фибул с сегментовидной головной пластиной и «ромбической» ножкой для типа Удине-Планис определяющим являются следующие признаки:

1) очертание ножки, включающие пару птицевидных выступов у ее конца, завершающегося изображением звериной морды;

2) «выюнквидный» или производный от него орнамент плоскости ножки, образующий композицию, симметричную относительно вертикального ребра на ножке, делящего все орнаментальное поле ножки;

3) схожий тип орнамента, занимающий полосу вдоль внешнего очертания головной пластины.

Фактически признаков у типа Удине-Планис больше, но их логичнее оставить для характеристики серий и вариантов, не делая границы типа чрезмерно строгими и априорно закрытыми для включения новых таксонов. В рамках типа выделяются 3 серии, подразделяемые на ряд вариантов. Серии, следуя наиболее употребительной номенклатуре, в данном случае удобнее называть по зонам основной концентрации находок.

Итало-германская серия соответствует фибулам остготского круга, отмеченным Ф. Бирбрауером к типу Удине-Планис (см. выше; Bierbrauer 1975: 89—91, 106—107), с учетом высказанных поправок. Она включает удивительно монолитный вариант Равенна (для его образцов Ф. Бирбрауер считает возможным обсуждать производство от одной формы, см. Bierbrauer 1975: 89) и более гетерогенный вариант Лёррах — Торриано, различающиеся прежде всего заполнением поля в центре головной пластины (решетка или лучевая композиция).

Вариант Равенна (рис. 9: б).

«Бинген» (Bingen; рис. 1: 42; 9: 3), точная локализация находки вызывает затруднения и сомнения, не исключено что она куплена в Италии (Bierbrauer 1975: 89, Taf. 74: 7; там основные более ранние публикации; см. также Werner 1961b: 71; Trenkmann 2008a: 91; 2008b: 74).

«Равенна» (Ravenna; рис. 1: 45; 9: 6), бывшая коллекция Музея прото- и ранней исто-

рии, Берлин; ныне — Гос. Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва; приведена по прорисовке с оригинала, экспонировавшегося на выставке «Эпоха Меровингов — Европа без границ», за эту возможность я благодарен всем организаторам выставки (Bierbrauer 1975: 344—345, Taf. 46: 1 — так в тексте, хотя это ссылка на изображение, где приведена фибула из Удине; там основные более ранние публикации; фото и ряд характеристик см. в: Эпоха Меровингов... 2007: 549—550, №VIII.6.2).

Удине-Планис (Udine-Planis; рис. 1: 43; 9: 7), происходит из находок 1874 г. в местности Планис, ныне в черте г. Удине; приведена по: Fibuli... 2008, №882 (Bierbrauer 1975: 328—330, Taf. 46: 1; там основные более ранние публикации; о памятниках в местности Планис см. также Vuora 2008; в Kühn 1940: 98, №18 приведена как «Кастель Пропето»); крупные и цветные фото есть в (Goti... 2006: 75, fig. 4; Trenkmann 2008a: fig 1: 1 и на обложке каталога с этой статьей); «идеализированная» прорисовка, опубликованная в (Salin 1935: Abb. 64), приведена и в (Гавритухин 1997: рис. 51); схематичная прорисовка дана в (Засецкая 1996: рис. 6: 2).

Вероятнее всего, этому варианту принадлежит и обломок ножки:

Зидани габер/Михово (Zidani gaber/Mihovo; рис. 1: 44; 9: 8), находка среди других вещей остготского круга (Bitenc, Knific 2008: fig. 2: 11); фото и описание см. в (Od rimljanov... 2001: №215).

Вариант Лёррах — Торриано (рис. 9: а).

Лёррах (Lörrach; рис. 1: 2—5; 9: 4), Гумрингерштрассе, погребение с парой фибул, одна из них прорисована по фото (Bierbrauer 1975: 89, 90, Taf. 73: 7; Werner 1961b: 71, Taf. 6: 1—5; там более ранняя литература); другая прорисовка приведена в (Засецкая 1996: рис. 6: 2).

Сен-Мартен-де-Фонтене (Saint-Martin-de-Fontenay; рис. 1: 6—41; 9: 1), пара фибул из погребения 270 (Pilet 1994: Pl. 34—36).

Торриано (Torrignano; рис. 1: 1; 9: 5), погребение, обнаруженное в конце XIX в., из которого происходит пара фибул, браслет, перстень; приведена по прорисовке (Засецкая 1996: рис. 6: 3); описание и фото см. в (Bierbrauer 1975: 318—319, Taf. 42; 43: 1—2; там основные более ранние публикации; в Kühn 1974: Taf. 242, №4: 18 приведена как «Кастель Пропето», что противоречит даже Kühn 1940: 98, №18, где под этим именем описана находка из Удине-Планис).

Балкано-понтийская серия подробно описана И.П. Засецкой как вид III боспорских пальчатых фибул (Засецкая 1998: 398—406),

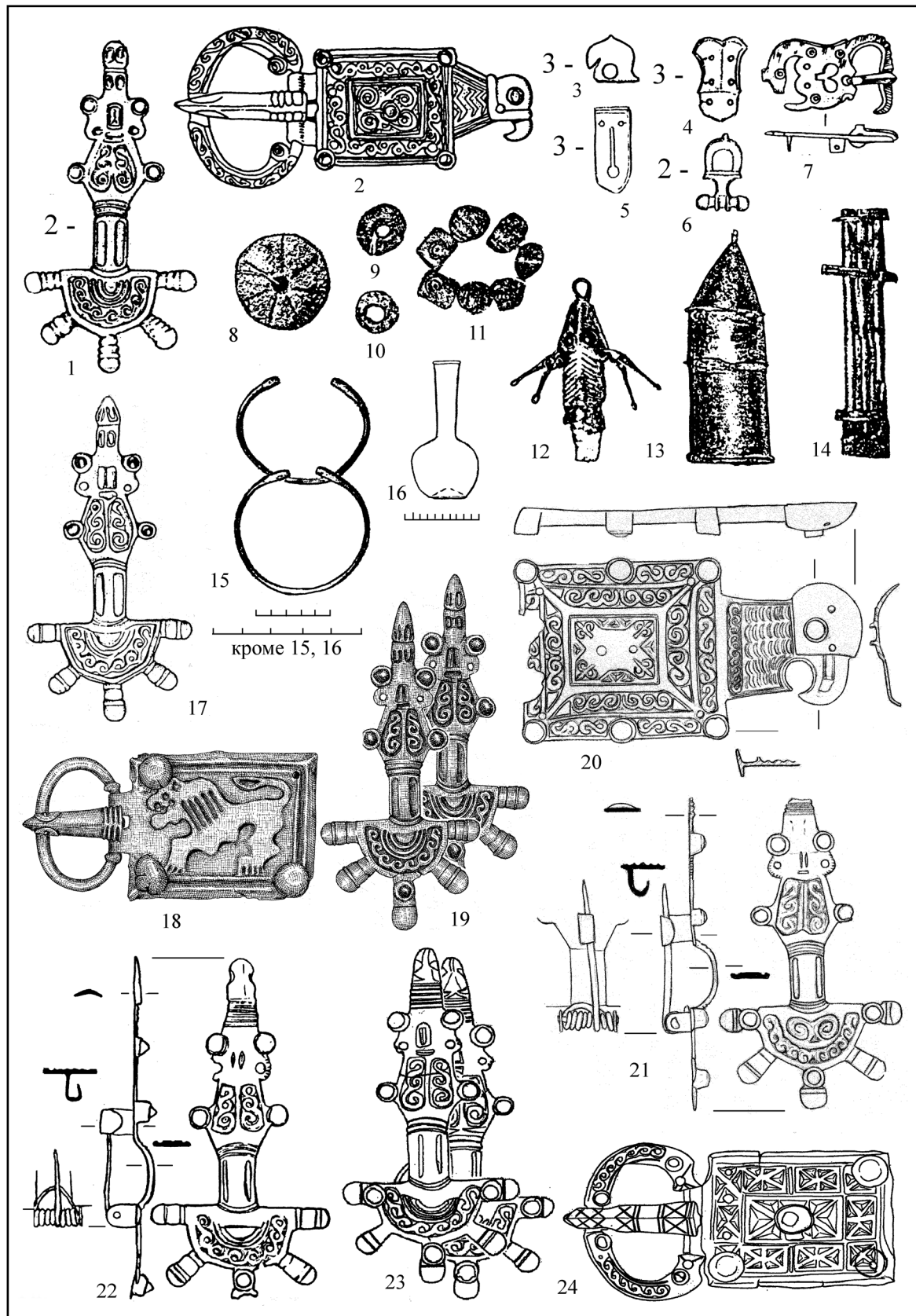

Рис. 5. Фибулы балкано-понтийской серии типа Удине-Планис и комплексы с ними: 1—19 — варианта 2 (1—16 — Керчь, склеп 180/1904, погр. 7; 17 — Керчь, могила 38/1876; 18, 19 — Лучистое, склеп 176); 20—21 — особого варианта из Родного; 22—24 — варианта 5 (22 — Артек, 23, 24 — Лучистое, склеп 240).

Fig. 5. Fibulae of the Balkan-Pontic series of the Udine-Planis type with associated grave goods: 1—19 — the 2nd variant (1—16 — Kerch, vault 180/1904, grave 7; 17 — Kerch, grave 38/1876; 18, 19 — Luchistoje, vault 176); 20—21 — separate variant from Rodnoje; 22—24 — the 5th variant (22 — Artek, 23, 24 — Luchistoje, vault 240).

выделившей в этих рамках 4 вариации. Предложенную ею весьма громоздкую номенклатуру, предназначенную для классификации всех боспорских пальчатых фибул, при рассмотрении отдельных типов целесообразно упростить. В данном случае в рамках балкано-понтийской серии уместно назвать: подвид IIIa, вариант 5 — вариантом 1; подвид IIIb, вариант 6 — вариантом 2; подвид IIIв, вариант 7 — вариантом 3; подвид IIIв, вариант 7 — вариантом 4.

Наиболее значимые признаки, сочетание которых определяют варианты, следующие: лучеобразная композиция на ножке близ дужки (вариант 1 и более грубого исполнения — вариант 4), насечки на птицевидных выступах на ножке и горизонтальные полосы на вертикальных углублениях дужки (вариант 1); птицевидные выступы, упрощенные до 1 отверстия (вариант 2) вместо двух (остальные варианты); форма стилизации изображения звериной головы на конце ножки (близки, хоть и различаются, у вариантов 1 и 2, 3 и 4). Признак «наличие вставок на пальцевидных отростках», учтенный И. П. Засецкой (его отсутствие приведено при характеристике варианта 2), как показала проверка, встречается у всех вариантов (см. примеры по списку варианта 2 ниже) и здесь не используется при их различении.

К признакам, объединяющим все эти варианты и отличающим их от образцов других серий, относится оформление центрального сегментовидного поля головной пластины рельефными дугами (Гавритухин 1997: 28). Однако известны фибулы, по всем признакам относящиеся к этой серии, но центральное поле головной пластины которых оформлено иначе, а также один экземпляр с иной структурой полосы из «вьюнков» вдоль края головной пластины. Эти единичные находки, не вошедшие в каталог И. П. Засецкой и не классифицированные ею, выделяются в особые варианты, названные по местонахождению образцов. Экземпляр из Артека был отнесен И. П. Засецкой к варианту 2, но птицевидные выступы на его ножке имеют насечки, что показательно для варианта 1; своеобразно и решение изображения головы зверя на конце ножки этой застежки. Новые находки показали, что такое сочетание не случайно, это и позволяет выделить особый вариант, получивший номер 5, продолжая приведенный выше ряд.

Вариант 1 (рис. 9: в).

Войниково (рис. 2: 29; 9: 11), дано по рис. (Fiedler 1992: Abb. 17: 1); фото см в (Vinski 1973: Tabl XIII: 74; Засецкая 1998: №53,

табл. IX: 5); наиболее полные описания см. в (Хараламбиева 1992: 140; Haralambieva in print: №3; там более ранние публикации).

Керчь, могила 1875 г. (рис. 2: 30; 9: 15), комплекс не опубликован (Засецкая 1998: №49, табл. IV, рис. 6: 6); в (Засецкая 1990: рис. 2: 35) подписана как происходящая из склепа 180/1904, что повторено в (Гавритухин, Казанский 2006: рис. 13: 1).

Керчь, погребение 1/1977 (рис. 2: 26—27; 9: 15), комплекс включал также орлиноголовую пряжку керченской серии и др. вещи (не опубликованы); дано по (Айбабин 1990: рис. 15: 5; Засецкая 1998: №50); в (Гавритухин, Казанский 2006: рис. 13: 41) ошибочно приведена как происходящая из склепа 180/1904; серьга дана по (Айбабин 1999: рис. 38: 2).

Лучистое, склеп 77 (рис. 3—4; 9: 14), погр. 1, пара; вещи неоднократно публиковались (Айбабин, Хайрединова 1996; 2008: рис. 15; Засецкая 1998: №51—52); отдельно погребение 1 см. в (Айбабин 1999: рис. 43).

Северо-Восточная Болгария (рис. 2: 24; 9: 10), частная коллекция (Haralambieva in print: №6; благодарю Анну Хараламбиеву за возможность использовать ее работу до публикации).

«Тамань» (рис. 2: 31; 9: 17), пара из коллекции Диргардта (Werner 1961a: №108; Засецкая 1998: №54—55; там основная литература, см. также Kühn 1974: Taf. 63, №4.44).

Вариант 2 (рис. 9: г).

Керчь, могила 38/1876 (рис. 5: 17; 9: 15), комплекс не опубликован (Засецкая 1998: №56, табл. IV); прорисовка в (Засецкая 1993: рис. 4: 22) в (Гавритухин, Казанский 2006: рис. 11: 30) ошибочно приведена как происходящая из склепа 78/1904.

Керчь, склеп 78/1904 (рис. 6; 9: 15), погр. 8, пара; вещи неоднократно публиковались (Засецкая 1998: №59—60, табл. IV, XIV—XVI, рис. 6: 8); см. также о фибуле из могилы 38/1876; фибулы, часть сосудов даны по (Засецкая 1990: рис. 2; 1993: рис. 4, 5) и по прорисовкам с фото; орлиноголовая пряжка — по (Айбабин 1990: рис. 39: 5); большинство маленьких пряжек и фигурки чело-вечков прорисованы с оригинала, за помощь в работе с ними благодарю хранителя коллекции Ирину Петровну Засецкую.

Керчь, склеп 180/1904, погр. 7 (рис. 5: 1—16; 9: 15), пара; вещи неоднократно публиковались (Засецкая 1998: №57—58, табл. IV, XIX); прорисовка дана по (Айбабин 1990: рис. 15: 6); см. также выше, о фибулах 1-го варианта из могилы 1875 г. и 1/1977 в Керчи; пряжки и стеклянный сосуд даны по (Засецкая 1993: рис. 3, 5); накладки — прорисованы по фото.

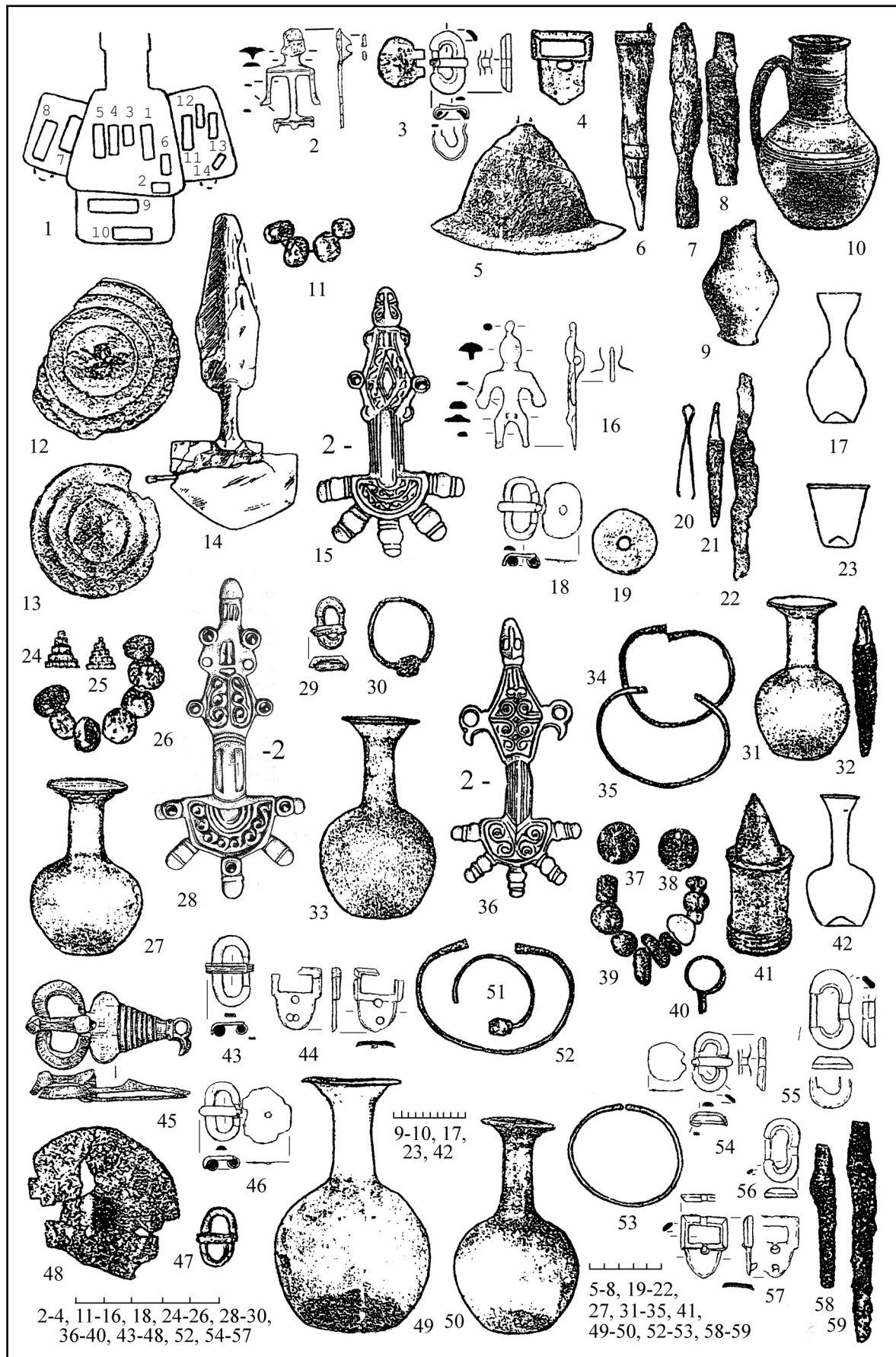

Рис. 6. Керчь, склеп 78/1907: 1 — план; 2—10 — погр. 5; 11—14 — погр. 4; 15 — погр. 1; 16 — погр. 6; 17 — в правой стенке дромоса; 18—23 — погр. 2; 24—28 — погр. 8 (28 — вариант 2 балкано-понтийской серии типа Удине-

Петербургский апокриф. Послание от Марка

Планис); 29—30 — погр. 7; 31—32 — ниша над левой лежанкой; 33 — ниша над правой лежанкой; 34—42 — погр. 12; 43—50 — погр. 9; 51—53 — погр. 10; 54—59 — погр. 13.

Fig. 6. Kerch, vault 78/1907: 1 — plan of the vault; 2—10 — grave 5; 11—14 — grave 4; 15 — grave 1; 16 — grave 6; 17 — by the right wall of dromos; 18—23 — grave 2; 24—28 — grave 8 (28 — the 2nd variant of the Balkan-Pontic series of the Udine-Planis type); 29—30 — grave 7; 31—32 — niche over the left room; 33 — niche over the right room; 34—42 — grave 12; 43—50 — grave 9; 51—53 — grave 10; 54—59 — grave 13.

Лучистое, склеп 176 (рис. 5: 18—19; 9: 14), опубликованы лишь пара фибул и пряжка (Айбабин, Хайрединова 2008: рис. 16).

Вариант 3 (рис. 9: д).

Бжид, погребение 144 (рис. 7: 1—37; 9: 16), дано по (Пьянков 2002); частично опубликовано и в (Гавритухин, Пьянков 2003: табл. 77: 71—83).

«Керчь» (рис. 7: 40; 9: 15), пара из коллекции Бертъе-Делагарда, собрание Британского Музея (Andrási 2008: №19; Germanen... 1987: 110, №I.16.f; Засецкая 1998: №61; в Kühn 1974: Taf. 244: №4.42 подписано «Юг России»).

«Никополь» (рис. 7: 38; 9: 19), пара из коллекции Диргардта, дано по прорисовке А.К. Амброза с фото (Werner 1961a: №109; Амброз 1966: рис. 1: 7; Засецкая 1998, №62—63; там литература).

Пашковский 1-й могильник, случайная находка (рис. 9: 18), доступное изображение непригодно для воспроизводства (Засецкая 1998: №64; там литература).

«Северная Франция» (рис. 7: 39; 9: 2), собрание Метрополитен музеум (Kühn 1940: 99, №25; в: Kühn 1974: Taf. 65, №4.25 дана как «Франция»).

Вариант 4 (рис. 9: е).

Керчь, склеп 152/1904 (рис. 2: 1—23; 9: 15), пара из захоронения при вторичном использовании склепа; вещи неоднократно публиковались (Засецкая 1998: №65—66, табл. V, XVII, XVIII); пряжки и образец фибулы даны по (Айбабин 1999: рис. 38).

Керчь (рис. 2: 25; 9: 15), пара из собрания ГЭ (Засецкая 1998: №67—68, табл. V; рис. 6: 7).

Вариант 5 (рис. 9: ж).

Артек (рис. 5: 22; 9: 13), в ряде публикаций ошибочно приводится как «Суук-Су», поскольку опубликована в статье Н.И. Репникова, посвященной могильнику Суук-Су; прорисована с оригинала в ГЭ, опись 2834, №23, благодарю хранителя, Ирину Петровну Засецкую, за помощь в работе (Засецкая 1998: №114; там литература).

Лучистое, склеп 240 (рис. 5: 23—24; 9: 14), опубликованы лишь пара фибул и пряжка (Айбабин, Хайрединова 2008: рис. 14).

Для одного фрагментированного экземпляра невозможна более точная атрибуция, чем в рамках **вариантов 2, 3, 5.**

«Южная Россия» (рис. 7: 41; не картографирован), коллекция Музея прото- и ранней истории, Берлин, №III d 6187; прорисована с оригинала, за помощь в работе благодарю сотрудников Музея и Эрдмуте Шульцце; ранее не публиковалась.

Особые варианты.

Печинска Рика (рис. 2: 28; 9: з, 9), погребение с парой фибул, полиэдрическими серьгами, бусиной; прорисовано по фото (Vinski 1973: Tabl XIII: 72; Засецкая 1998: табл. IX: 1—5). Близка варианту 1, отличается оформлением центрального поля головной пластины.

Родное (рис. 5: 20—21; 9: и, 12), фактически — окраина Севастополя, вещи найдены при строительстве магазина в 1969 г.; прорисованы с оригинала в Национальном музее-заповеднике «Херсонес Таврический», Севастополь (фото см. в Kazanski 1998: fig. 3: 8); благодарю за помощь в работе Ларису Анагольевну Голофаст. Близка варианту 5, отличается оформлением центрального поля головной пластины.

Черкасский уезд Киевской губернии или близ г. Черкассы (рис. 8: 5; 9: к, 24), коллекция Кундеревича (Корзухина 1996: табл. 80: 3, №58; там основные сведения и их источники); прорисовка по фото из архива Г.Ф. Корзухиной, хранящегося в рукописном архиве ИИМК РАН, опубликована в (Гавритухин 1997: рис. 41). Отличается от всех фибул балкано-понтийской серии полосой «вьюнка» на головной пластине (5-частной), наличием намеченной третьей пары выступов на ножке, изображением головы зверя на конце ножки (без выступа спереди).

Дунайско-днепровская серия; ее выделение намечено В.К. Пудовиным в качестве деривата образцов, отнесенных выше к балкано-понтийской серии (Пудовин 1962). Как ряд фибул особой линии развития, не связанный с балкано-понтийской серией, она описана в (Гавритухин 1997: 28—29). Новые находки и исследования позволяют считать, что ее производство и развитие связано с Болгарским Подунавьем и Средним Поднепровьем. От других серий типа Удине-Планис, кроме находки из Черкасского уезда (особого варианта балкано-понтийской серии, см. выше), ее образцы отличают головная пластина с 4-х

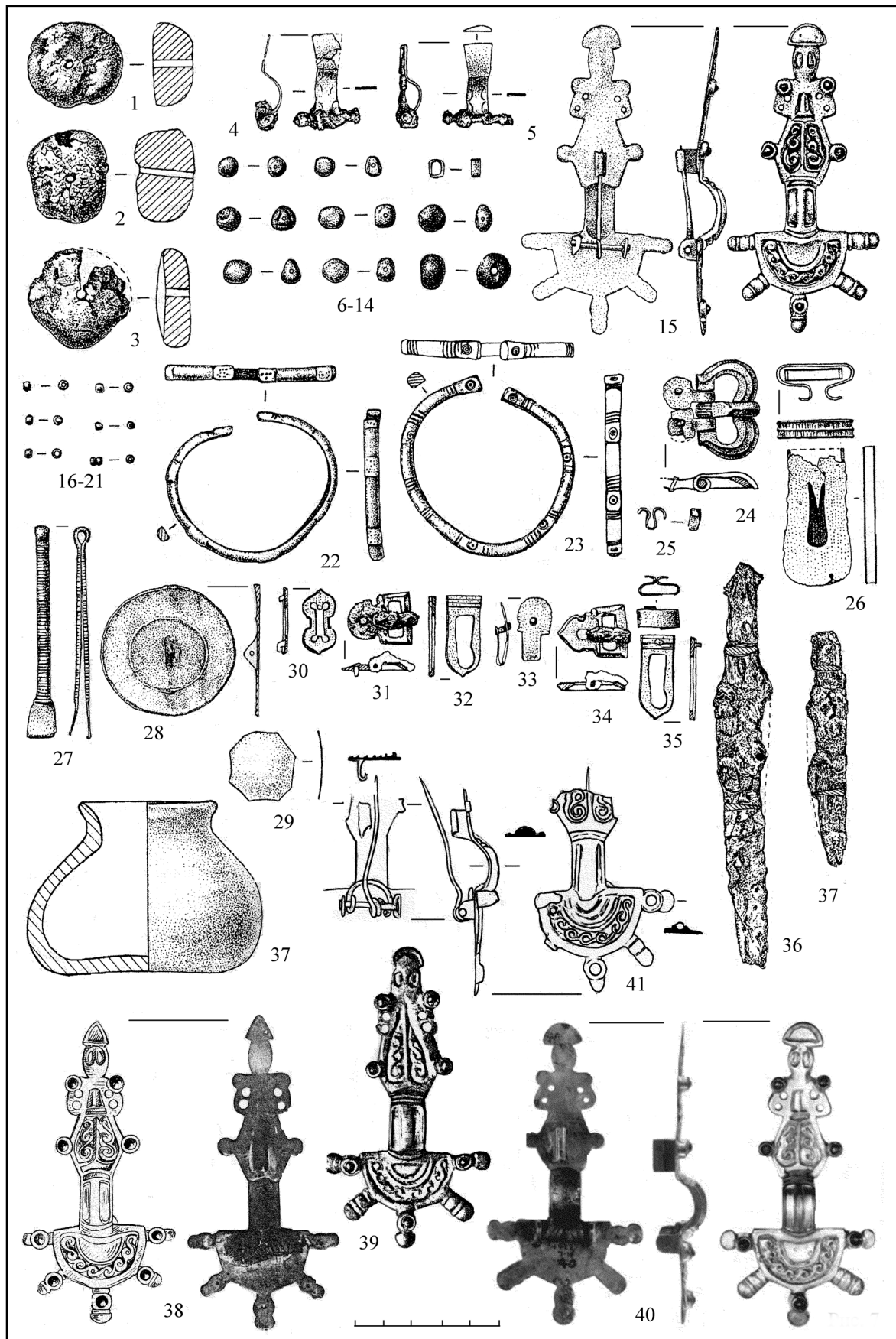

Рис. 7. Фибулы варианта 3 и неясного варианта (41) балкано-понтийской серии типа Удине-Планис и комплексы с ними: 1—37 — Бжид, погр. 144; 38 — «Никополь»; 39 — «Северная Франция»; 40 — «Керчь»; 41 — «Южная Россия».

Fig. 7. Fibulae of the 3rd variant and unknown variant (41) of the Balkan-Pontic series of the Udine-Planis type with associated grave goods: 1—37 — Bzid, grave 144; 38 — “Nikopol”; 39 — “Northern France”; 40 — “Kerch”; 41 — “Southern Russia”

или 5-частным «вьюнком», наиболее длинные «вьюнки» на ножке, наличие трех пар выступов на ножке, отсутствие вставок. По ряду деталей выделяются варианты.

Вариант 1 (рис. 9: л). С 5-частным «вьюнком» на головной пластине, парой птицевидных выступов на ножке у дужки, но иного стиля, чем у конца ножки.

Керчь или Феодосия (рис. 8: 7; 9: 25), находка до 1879 г., коллекция Московского университета, ныне собрание ГИМ; дана по рисунку А.К. Амброза, хранящемуся в архиве Института археологии РАН; другая прорисовка дана в (Корзухина 1996: табл. 110: 8, №147.15; там основные сведения и их источники); первая публикация и фото — в (Пудовин 1962: рис. 1: 2), в этой статье и аргументы в пользу того, что эта и другие фибулы из этого же поступления найдены, скорее всего, в Керчи; прорисовку по фото см. в (Гавритухин 1997: рис. 35).

Медведовка (рис. 8: 6; 9: 21), прорисована по оригиналу в частной коллекции; вещь планируется к передаче в Киевский университет. У фибулы не пробиты стойки для оси пружины и не загнут приемник, но поверхность хорошо обработана; очевидно, это — недоделанный экземпляр.

Вариант 2 (рис. 9: м). С 4-частным «вьюнком» на головной пластине, двумя парами кольцевидных выступов на ножке, упрощенной, сравнительно с вариантом 1, структурой птицевидных выступов у конца ножки.

Пастырское (рис. 8: 1; 9: 20), коллекция Кундеревича (Корзухина 1996: табл. 25: 5, №73.46; там основные сведения и их источники); прорисовка по фото из архива Г.Ф. Корзухиной, хранящегося в рукописном архиве ИИМК РАН, приведена в (Гавритухин 1997: рис. 37).

Вариант 3 (рис. 9: н). У единственного экземпляра утрачены головная пластина, дужка, часть ножки; но он явно отличается от описанных выше максимально схематизированными орнаментом и элементами окончания ножки.

Хмельна (рис. 8: 3; 9: 22), коллекция Беяшевского, собрание Исторического музея во Львове (Корзухина 1996: табл. 80: 11, №21.3; там основные сведения и их источники); прорисовка по фото в (Пудовин 1962: рис. 2: 8) приведена в (Гавритухин 1997: рис. 36).

Вариант неизвестен (рис. 9: о). Обломок свинцового изделия, атрибутированного А. Хараламбиевой как форма для фибул, относящихся к типу Удине-Планис; явно соот-

носится с рассматриваемой серией, но слишком мал для уточнения варианта.

Северо-Восточная Болгария (рис. 8: 2; 9: 10), коллекция Исторического музея в Шумене (Haralambieva 2002: Tabl. II: 3; in print: №7).

Вероятно, с рассматриваемой серией (рис. 9: о) связана головная пластина фибулы (рис. 8: 4; 9: 23), поступившей от Е.М. Терещенко в Исторический музей в г. Киев и утраченной в 1941—1944 гг.; она происходит из Среднего Поднепровья, не исключено, что из Пастырского (Корзухина 1996: 410, табл. 80: 4, №102.10; там основные сведения и их источники).

Наиболее ранней из рассмотренных серий фибул типа Удине-Планис является **италогерманская серия**. Исследователями неоднократно отмечалась близость элементов ряда находок, принадлежащих этой серии, дунайским образцам фазы D3 (в понимании Я. Тейрала и Ф. Бирбрауера), с которыми связано формирование пальчатых фибул восточногерманского круга (см. выше историографический очерк). Приведенные Ф. Бирбрауером и М. Менке аналогии перстню и булавке свидетельствуют о возможности удревнять комплекс из Лёрраха (рис. 1: 2—5) до 2-й половины V в. Однако булавки того же типа, что в Лёррахе, по северофранцузским материалам меровингского времени хоть и известны в это время, более характерны для комплексов, датированных 470/480—520/530 гг. (Legoux, Périn, Vallet 2004: №314). Да и на Верхнем Рейне они показательны для фаз, датированных около 480—530 гг. (Koch 2001: 72—75, признак X3). Перстень из Лёрраха (рис. 1: 4), действительно, встречен в ряде комплексов центральноевропейской фазы D3, однако вполне возможно, что прав Ф. Бирбрауер, не исключаяющий их бытование и в несколько более позднее время (до «около 500 г.»), не говоря уж о возможных случаях единичного запаздывания. В погр. 270 из Сен-Мартенде-Фонтене (рис. 1: 6—41), кроме интересующих нас фибул, найдены пара брошей и ожерелье, появившиеся не ранее 470/480 гг., а особенно популярные на фазах меровингской культуры Северной Галии (где находится могильник), датированных соответственно 470/480—560/570 и 520/530—560/570 гг. (Legoux, Périn, Vallet 2004: №207, 375).

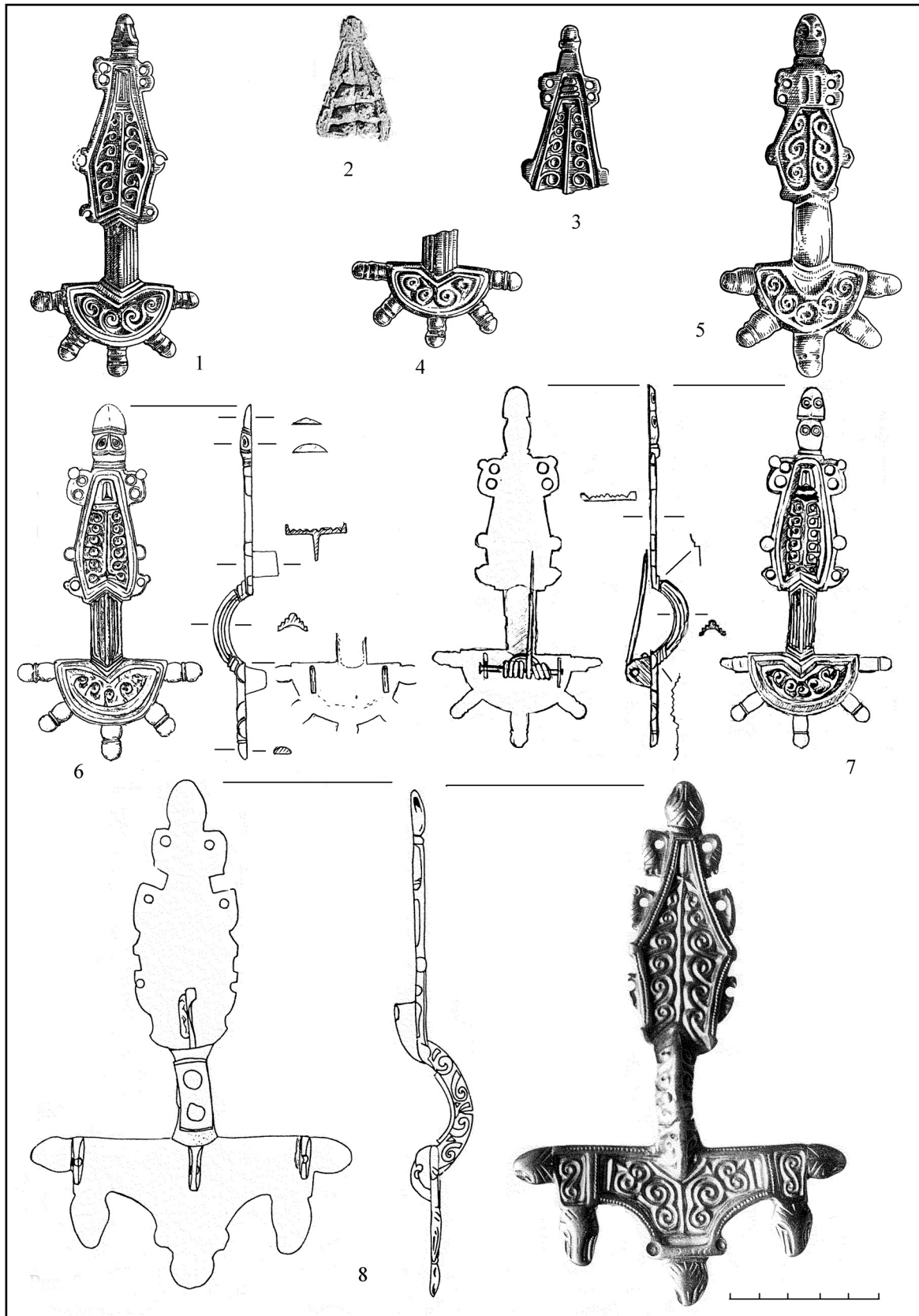

Рис. 8. Фибулы особого варианта балкано-понтийской серии (5) и дунайско-днепровской серии (1—4, 6—7) типа Удине-Планис, находка в византийской крепости близ Садовца в Северной Болгарии (8): 1 — Пастырское; 2 — Северо-Восточная Болгария; 3 — Хмельна; 5 — Черкасский уезд; 6 — Медведовка; 7 — Керчь или Феодосия.

Fig. 8. Fibulae of the separate variant of the Balkan-Pontic series (5) and of the Danube-Dnieper series (1—4, 6—7) of the Udine-Planis type and a fibula from Byzantine fortress near Sadovetz in Northern Bulgaria (8): 1 — Pastyrskoje; 2 — Northeastern Bulgaria; 3 — Khmelna; 5 — Cherkassy uezd; 6 — Medvedovka; 7 — Kerch or Feodosia.

Таким образом, хронология около «конца V — 1-й трети VI вв.», близкая той, что предложена Ф. Биербрауером, наиболее соответствует «узкой» датировке по двум комплексами с фибулами варианта Лёррах — Торриано. Теоретически можно допустить дату в рамках 4-й четверти V — середины VI вв., но рассматриваемые образцы их Лёрраха и Торриано (рис. 1: 5, 9) весьма близки друг другу даже в деталях, и трудно представить то, что между их изготовлением существовал большой промежуток времени. Судя по всему, близкую хронологию имеет типологически и стилистически близкий вариант Равенна.

Показательно и картографирование фибул итало-германской серии (рис. 9: а, б): 4 пункта на севере Италии и в прилегающей Словении на фоне десятков синхронных фибул и только 3 (возможно 2, см. об образце из Бингена в каталоге) пункта в разных регионах от Верхнего Рейна до Ла-Манша, где интересующие нас фибулы чужды на фоне сотен экземпляров, характерных для местных серий того же времени. Симптоматично отсутствие рассматриваемых вещей на Среднем Дунае, откуда в основном происходили контингенты Рицимера и Одоакра. Судя по всему, итало-германская серия фибул типа Удине-Планис сформировались в рамках культуры Итальянского королевства остготов и оттуда, в ходе контактов с алеманами и франками, такие вещи попадали севернее. Различие ареалов вариантов Лёррах — Торриано и Равенна соблазнительно трактовать как наличие разных центров производства фибул у остготов, однако без специального обширного исследования такая гипотеза весьма зыбка.

Балкано-понтийская серия наиболее представительна по общему числу находок, количеству вариантов и датированных комплексов. Более всего датированных комплексов известно с фибулами варианта 2. Несомненно, самый ранний среди них — керченский склеп 78/1907 (рис. 6). Несмотря на довольно большое число захоронений в нем, изучение мелких пряжек из разных погребений показало, что хронологический разброс комплексов в склепе не может быть велик. Однотипны и найденные здесь стеклянные колбы. Неоднократно обращалось внимание на то, что наиболее архаичные (двупластинчатые) фибулы в этом склепе найдены в погребении, более близком ко входу, чем захоронения с пальчатыми фибулами, характерными для более позднего времени. Поскольку маловероятно и противоречит другим случаям то, что захоронения в склепе совершали сначала на полу, а затем на ле-

жанках, логично предположить, что время заполнения склепа приходится на период сосуществования двуластинчатых фибул с пальчатыми. Внешним хронологическим репером является здесь пара импортных (гепидских или их единичная местная реплика, что не меняет дела) фибул, датированных в пределах конца V — 1-й половины VI в. (рис. 6: 15; Засецкая 1998: 422—424, там обсуждение возможных атрибуций).

При датировке склепа 78/1907 следует учесть и исторические реконструкции. Если связывать появление упомянутой «гепидской» фибулы на Боспоре с теми же событиями, что привели к оформлению балкано-понтийской серии типа Удине-Планис (представленной и в этом склепе), по гипотезе М. М. Казанского (см. выше; о многочисленных гепидских находках на Северо-Востоке Балкан см. Naralambieva 2001), а тем более по гипотезе И. П. Засецкой, дата склепа должна быть «сдвинута» к середине VI в. (см. также: Гавритухин, Казанский 2006: 304, 319; ср. Засецкая 1998: 431—432, 436). К этому сюжету мы еще вернемся.

Фибулы варианта 2 встречены и в погребении 7 керченского склепа 180/1904 (рис. 5: 1—16), справедливо рассматриваемом И. П. Засецкой в ряду позднейших комплексов с интересующими нас фибулами, опираясь на наличие позднейших на Боспоре вариантов стеклянных колб, наличие накладок и накопечников «геральдического» круга (Засецкая 1990: 104; 1998: 433, 436—437). Неоднократно заявлялось, что отсутствуют работы, позволяющие датировать такие ременные гарнитурки более узко, чем «геральдическая» стилистика в целом (например: Засецкая 1998: 436; Казанский 2010: 77; разбор важнейших более ранних точек зрения см. в: Гавритухин, Обломский и др. 1996: главы 2.1 и 3). При этом указывается на наличие ряда комплексов с монетами VI в., но, по неизвестной причине, игнорируются хронологические шкалы, где такие гарнитурки распределены по нескольким периодам. Однако даже неловко напоминать, что монеты определяют хронологические границы комплексов, лишь когда «встроены» в шкалы относительной датировки, синхронизированные с другими локальными шкалами. Конечно, нынешние схемы типологии и периодизации «геральдических» гарнитурок нельзя считать свободными от дискуссионных положений, но стоит хотя бы оценить то, что сделано, а не оставаться на позициях голословного скепсиса.

Крымскими «геральдическими» наборами специально занимался А. И. Айбабин.

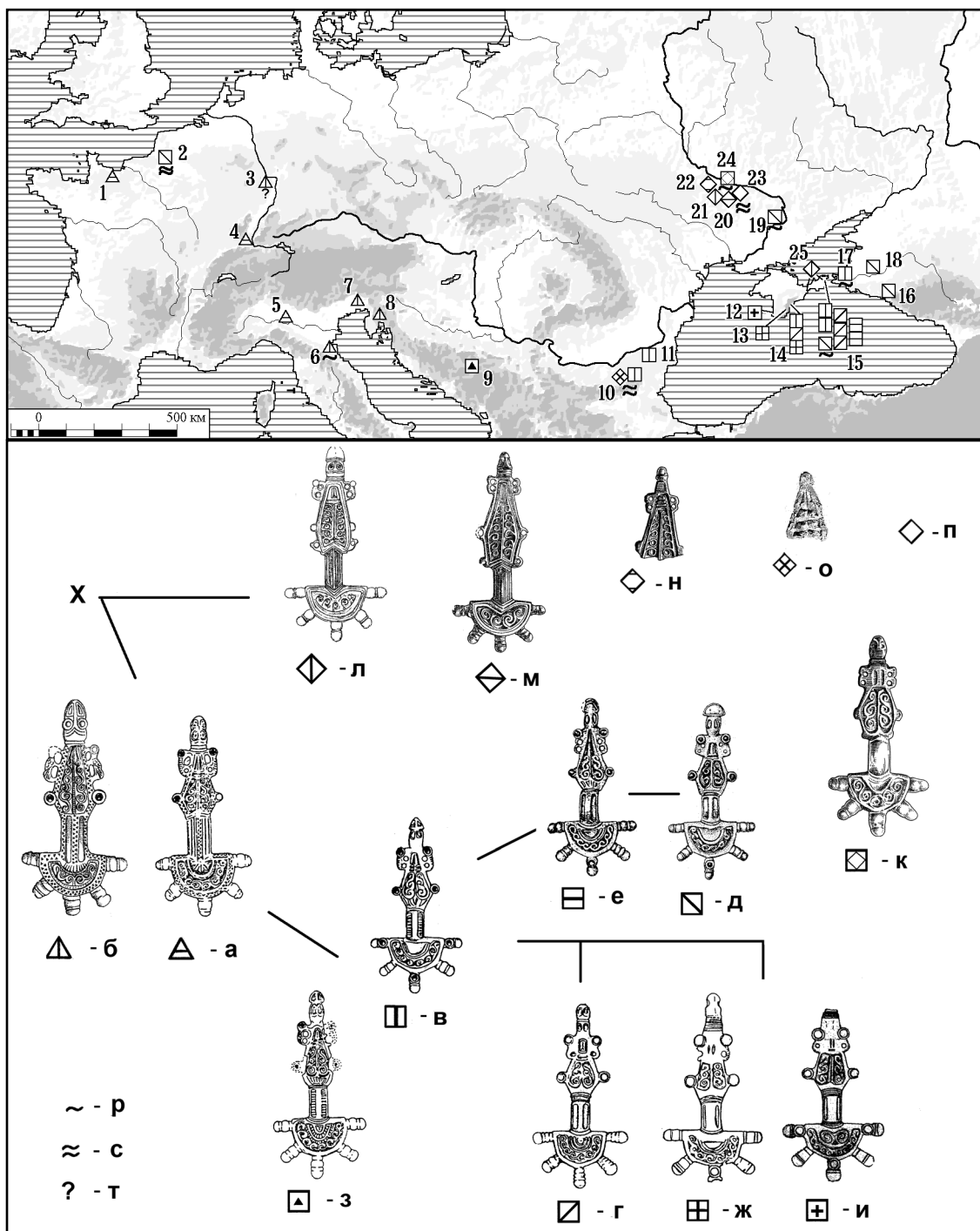

Рис. 9. Распространение и типологические ряды фибул типа Удине-Планис: а, б — итало-германская серия (варианты: а — Лёррах — Торриано, б — Равенна); в-к — балкано-понтийская серия (варианты: в — 1, г — 2, д — 3, е — 4, ж — 5, з — Печинская рика, и — Родное, к — из Черкасского уезда); л-п — дунайско-днепровская серия (варианты: л — 1, м — 2, н — 3, о — неизвестного, п — вероятно, этой серии); р — местонахождение приблизительно; с — в рамках региона; т — локализация сомнительна.

1 — Сен-Мартен-де-Фонтене, 2 — Северная Франция, 3 — Бинген, 4 — Лёррах, 5 — Торриано, 6 — Равенна, 7 — Удине, 8 — Зидани габер, 9 — Печинская Рика, 10 — Северо-Восточная Болгария, 11 — Войниково, 12 — Родное, 13 — Артек, 14 — Лучистое, 15 — Керчь, 16 — Бжид, 17 — «Тамань», 18 — Пашковская, 19 — «Никополь», 20 — Пастырское, 21 — Медведовка, 22 — Хмельна, 23 — Среднее Поднепровье, возможно Пастырское, 24 — Черкасский уезд, 25 — Керчь или Феодосия.

Fig. 9. Distribution map and typological connections of the Udine-Planis type fibulae: а, б — the Italo-Germanic series (variants: а — Lörach — Torriano, б — Ravenna); в-к — the Balkan-Pontic series (variants: в — 1st, г — 2nd, д — 3rd, е — 4th, ж — 5th, з — Pechinska rika, и — Rodnoje, к — Cherkassy uezd); л-п — the Danube-Dnieper series (variants: л — 1st, м — 2nd, н — 3rd, о — unknown, п — possibly this series); р — localization is approximate; с — localization within the limits of the region;

Петербургский апокриф. Послание от Марка

т — localization is doubtful. 1 — Saint-Martin-de-Fontenay, 2 — “Northern France”, 3 — Bingen, 4 — Lörrach, 5 — Torriano, 6 — Ravenna, 7 — Udine, 8 — Zidani gaber, 9 — Pechinska rika, 10 — North-eastern Bulgaria, 11 — Vojnikovo, 12 — Rodnoje, 13 — Artek, 14 — Luchistoje, 15 — Kerch, 16 — Bzid, 17 — “Taman”, 18 — Paschkovskaja, 19 — “Nikopol”, 20 — Pastyrskoje, 21 — Medvedovka, 22 — Khmelna, 23 — Middle Dnieper area, probably Pastyrskoje, 24 — Cherkassy uезд, 25 — Kerch or Feodosia.

Можно не соглашаться с рядом предлагаемых им календарных датировок, но относительная хронология, подкрепленная стратиграфией Лучистого и сериацией крымских комплексов, представляется в основных узлах вполне обоснованной и в этом, насколько я знаю, никто не сомневался. Главное, что опубликованных материалов немало для проверки этих наблюдений (Айбабин 1990; 1999; Айбабин, Хайрединова 2008; там другая литература). Данные о многих крымских «геральдических» гарнитурах в концентрированном виде представлены в таблице сериации (Айбабин 1990: рис. 2), к которой имеется ряд формальных претензий, поэтому я предложил ее модификацию, основанную полностью на материалах и типологических определениях А.И. Айбабина, включающую только комплексы с «геральдическими» гарнитурами. В соответствии с ней, набор из склепа 180/1904 (рис. 5: 3—6) относится к группе 5, т. е. далеко не самой ранней, но и не поздней. Такой подбор накладок и наконечников показателен для комплексов фаз 2б, 3а (в основном), 3б предложенной тогда южнокрымской шкалы, датированных от конца VI до середины VII вв. (Гавритухин, Обломский и др. 1996: 65—69, 248—249, 254, 274—275). Учитывая некоторое удревание южнокрымской шкалы (опорной для понтийского региона), представленной в работах А.К. Амброза и А.И. Айбабина, с учетом новых материалов из Лучистого (Айбабин, Хайрединова 2008) вероятна и «сдвигка вниз» указанных дат. Однако не сильно, ведь «геральдические» гарнитуры появились около середины VI в., а интересующий нас набор явно не самый ранний в их ряду.

Реперы ранних и поздних «геральдических» гарнитуров обсуждались и для материалов за пределами Крыма. Например, есть шкала для Кисловодской котловины, построенная на основе выразительных керамических наборов, образцово изученных Владимиром Юрьевичем Малашевым, или шкала поясных гарнитур с «геральдическими» накладками и псевдопряжками (Гавритухин 2001а; 2001б).

Легко убедиться, что и по этим материалам набор из керченского склепа 180/1904 находит наибольшие соответствия среди не ранних (их дата не ранее середины VI в., но не позднее начала VII в.), но и не поздних (середины — 2-й половины VII в.) комплексов. Его

дата в рамках последних десятилетий или конца VI в. — 1-й половины, не позднее середины, VII в., таким образом, является наиболее соответствующей всем современным наработкам. Мнение о датировке этого набора «поздним VI — началом VII вв.» недавно было высказано и И.П. Засецкой, правда, без аргументации (Засецкая 2005: 61). Напомню, что ограничение времени существования керченского некрополя началом VII в., предложенное И.П. Засецкой (см. в части об историографии), весьма условно.

В отношении интересующих нас фибул из рассматриваемого склепа 180/1904 И.П. Засецкой на основе наблюдений Р.С. Минасяна справедливо сделан вывод, что эти застежки были изготовлены заметно раньше, чем совершено погребение с ними (Засецкая 1998: 436—437; Минасян 1998: 482, 488). Манера запиливать приемник, по мнению Р.С. Минасяна, может свидетельствовать, что последние доработки занимающих нас фибул из склепов 180/1904 и 78/1907 сделаны одним человеком (Минасян 1998: 488). И.П. Засецкая оставила это наблюдение, противоречащее ее хронологическим построениям, без комментариев. Действительно, трудно представить дату, объединяющую время совершения погребения 7 в склепе 180/1904 (с не ранней геральдической гарнитурой) и одного из самых ранних в склепе 78/1907 погребения 8 (рис. 6: 1). Остается думать, что «реконструируемый» мастер жил долго, не меняя стиля работы, или указанный (несложный) прием использовал не только он. Наблюдения Р.С. Минасяна скорее подтверждают очевидный тезис о том, что использование в погребении нефункционирующих застежек не является доказательством того, что такие вещи перестали делать ко времени совершения захоронений, куда их клали.

Третий комплекс с фибулами 2-го варианта балкано-понтийской серии типа Удине-Планис происходит из склепа 176 в Лучистом. Авторами раскопок приведены оттуда вещи, датированные ими 2-й половиной VI в. (рис. 5: 18—19; Айбабин, Хайрединова 2008: 26, 27, рис. 16). Обсуждать эту дату до полной публикации материалов склепа невозможно, но и явных оснований, чтобы ее оспорить, нет. Аналогично датированы и опубликованы материалы склепа 240 в Лучистом (рис. 5: 23—24) — единственный репер для датировки интересующих нас фибул варианта 5.

Рассматриваемые здесь фибулы варианта 1 в опубликованном комплексе известны лишь по материалам склепа 77 из Лучистого (рис. 3—4). Его датировка разбиралась мной специально и определена в рамках от середины или 2-й половины VI в. до последних десятилетий VI или первых десятилетий VII вв. (Гавритухин 2010б). Расхождения с датировками А.И. Айбабина теперь уже не касаются наиболее раннего погребения 1 (с интересующими нас фибулами; рис. 3: 1—13), поскольку в последних работах этот комплекс был авторами раскопок передатирован и отнесен ко 2-й половине VI в. (Айбабин, Хайрединова 2008: рис. 15).

Единственный репер для интересующих нас фибул варианта 3 — погребение 144 могильника Бжид (рис. 7: 1—37). Пояс с деталями «геральдического» стиля оттуда (рис. 7: 24—26) принадлежит кругу ранних для понтийского региона, а пряжки обувной гарнитуры сопоставимы с экземплярами, датированными от последних десятилетий VI до 1-й половины VII вв. (Гавритухин, Пьянков 2003: 192; Gavritukhin in print). Таким образом, узкая дата комплекса — около последних десятилетий VI — начала VII вв.

Единичен репер и для фибул варианта 4. Это — керченский склеп 152/1904 (рис. 2: 1—23). Его хронология неоднократно обсуждалась, и в настоящее время ведущими специалистами дата второго горизонта захоронений в нем (рис. 2: 1—5) определяется около 2-й половины VI (А.К. Амброз) или в рамках 2-й половины VI — начала VII вв. (И.П. Засецкая). Аргументы в пользу более поздней даты, предлагавшиеся ранее А.И. Айбабиным, фактически сняты в его новейших работах (см. обзор материала и датировок в: Засецкая 1998: 434—435; Айбабин, Хайрединова 2008: 28, рис. 14—16).

Комплекс из Родного (рис. 5: 20—21) с фибулой особого варианта балкано-понтийской серии датируется по обломанной обойме орлиноголовой пряжки. Наиболее подробно крымские орлиноголовые пряжки изучены И.П. Засецкой. По ее классификации, обойма из Родного имеет признаки 17г и 23д, сочетание которых показательны для пряжек подгруппы ПБ. Восемь экземпляров этой подгруппы (в т.ч. семь в комплексах) датированы концом VI — началом VII вв. (или «575—625 гг.»), исходя из построенного И.П. Засецкой типологического ряда орлиноголовых пряжек и хронологии Суук-Су, предложенной В.К. Пудовиным (Засецкая 2005). По разработкам А.К. Амброза, рассматриваемая обойма относится к вариан-

ту 5, характерному для пряжек периодов II и III разработанной им хронологии Суук-Су. Дата периода II определена «десятилетиями около рубежа VI—VII вв.» (580—600 или 590—610 гг.); период III — позднее, он длился до периода IV, начавшегося в середине или 2-й половине VII в. (Амброз 1988). Такие же даты для интересующих нас пряжек (варианты 2 и 3 по А.И. Айбабину, выделенные по длине держателя рамки; об этом параметре для пряжек подгруппы ПБ см.: Засецкая 2005: 64) предложены А.И. Айбабиным (Айбабин, Хайрединова 2008: 20—22). Столь близкие датировки в рамках разных типологических и хронологических схем не удивительны, учитывая наличие в сравнительно раннем комплексе (по всем упомянутым шкалам) с интересующей нас пряжкой (в парной могиле 77 из Суук-Су) монеты, выпущенной не ранее 590 или 596 гг., а весьма вероятно, что в 602 г. (Айбабин, Хайрединова 2008: 19—21). Итак, для занимающей нас пряжки дата около конца или последних десятилетий VI — 1-й трети или четверти VII вв. может считаться бесспорной. Спорная «2-я четверть VII в.» для нашей темы не столь уж существенна.

Наконец, особый вариант балкано-понтийской серии представлен парой фибул из погребения в Печинска Рика (рис. 2: 28). Этот комплекс, если не считать фибулы, не имеет оснований для желаемой узкой даты. Но основные элементы убора указывают на его принадлежность восточногерманскому кругу. Фибулы из Печинска Рика не могут рассматриваться как древнейшие в рамках типа Удине-Планис, что и определяет нижнюю границу комплекса и рассматриваемого варианта фибул. Облик вещей из Печинска Рика вполне органичен для эпохи вхождения территории, где найдено погребение, в состав Остготского королевства. Но как долго могли сохраняться эти традиции в Далмации после ее возврата в состав Империи ромеев (535 г.), можно только гадать.

Попробуем сопоставить рассмотренные хронологические реперы с представленными ниже типологическими наблюдениями, данными картографирования фибул по вариантам (рис. 9: в-к), сведениями о культурно-исторических процессах в зоне распространения интересующих нас застежек.

Варианты балкано-понтийской серии можно встроить в типологические ряды (см. рис. 9: образцы картографируемых вариантов).

Наиболее сложен вариант 1. Вариант 4 — единственный, связанный с вариантом 1 по признаку «лучевой орнамент на ножке близ дужки», но он более прост в исполне-

нии, судя по худшей проработке указанного элемента, отсутствию орнамента на дужке и боковых выступах у конца ножки. С ним, учитывая стилистику окончания ножки, связан еще более простой в исполнении вариант 3, не имеющий упомянутого лучевого орнамента.

Вариант 2, хотя и наиболее прост (птицеподобные выступы на ножке имеют лишь одно отверстие), судя по формам головы звеня на конце ножки, непосредственно связан с вариантом 1. Вариант 5 связан с вариантом 1 по наличию орнаментальных нарезок по бокам птицеподобных выступов на ножке, но на этих выступах имеется лишь одно отверстие, как у варианта 2, и еще более, чем даже у последнего, схематизирован орнамент поля ножки между птицевидными выступами и ряд других деталей.

Наиболее ранний хронологический репер имеет, как было показано выше, для застёжек варианта 2, однако, судя по другим типам пальчатых фибул Крыма (и не только), трудно представить себе эволюционный ряд в рамках типа от весьма просто сделанных вещей к более «стильным». Обычно усложнение происходило в форме появления нового типа, а в его рамках — упрощение. Если уж настаивать на том, что развитие шло «от простого к сложному», к наиболее ранним следует отнести и вариант 5, а он имеет один из позднейших хронологических реперов. Наконец, всем специалистам в изучении крымских древностей очевидно, что тип Удине-Планис не имеет прототипов среди образцов местного ювелирного ремесла. Развернутая критика теории Л. А. Мацулевича не кажется мне здесь уместной, это проблема философско-методологическая, фактически — мировоззренческая. Формальные построения А. П. Калитинского на основе весьма ограниченной выборки материалов из Восточной Европы, изолированных от аналогов, отвергаются мной исходя из приведенной тут их характеристики. Остается разделяемая мной позиция, согласно которой образцы для фибул балкано-понтийской серии были заимствованы. С этой точки зрения наиболее ранним явно будет вариант 1, а не 2 или 5.

Существуют две гипотезы о конкретных носителях импульса, приведшего к появлению балкано-понтийской серии типа Удине-Планис: 1) М. Б. Щукина и И. П. Засецкой об уходе групп остготов из Италии после капитуляции основных сил в 552 г. и возможном появлении некоторых из этих групп в Крыму, вместе с образцами для фибул, которые стали делать на Боспоре; 2) М. М. Казанского, на-

меченная А. К. Амброзом, о подразделениях с Балкан, в частности из Мёзии, введенных Юстинианом Великим на Боспор в 530-х гг. и принесших образцы для боспорского производства фибул новых типов, модных у германских женщин, жен византийских солдат, не имевших права жениться на римских гражданах. Гипотеза 2 представляется предпочтительнее, и вот почему.

Как было отмечено, наиболее обоснована датировка керченского склепа 78/1907 — в рамках 1-й половины, не позднее середины VI в., то есть к этому времени балкано-понтийская серия не только сформировалась, но и в ее рамках сложились упрощенные варианты. Если исходить из гипотезы 1, то точкой отсчета в формировании рассматриваемой серии фибул должны быть 552 г. и образцы итало-германской серии. Учитывая, что в Италии (только там оставалась актуальной готская мода после начала войны Юстиниана Великого с готами в 535 г.) нет образцов балкано-понтийской серии, а в Причерноморье — итало-германской, необходимо допустить еще некое место (и время), необходимое для переработки образцов и появления фибул новой серии. Кроме того, если принять наблюдения специалистов, к середине VI в. фибулы итало-германской серии типа Удине-Планис уже не были «модными», в это время основной массив готских застёжек составлял ряд типов фибул, орнаментированных «переплетенной лентой» (см. выше, в историографической части). Т. е. готы, ушедшие из Италии в 552 г., должны были «перенести» прежде всего поздние остготские фибулы, но ни одной такой вещи нет в Причерноморье.

Таких проблем не возникнет, если мы примем гипотезу 2. Напомню, что в Северо-Восточной Болгарии найдено 2 из 6 образцов (пара считается за 1) варианта 1 балкано-понтийской серии. Учитывая, что этот регион в отношении интересующего нас времени изучен хуже Крыма и там нет могильников, подобных крымским некрополям VI в. (а из них происходит 3 образца), вполне можно предполагать, что балкано-понтийская серия в виде варианта 1 сформировалась именно на северо-востоке Балкан. Если «перенос» образцов на Боспор произошел в начале 530-х гг., то понятной становится и среда, в которой шел интересующий нас процесс. Вероятнее всего, эта среда связана с готами, не ушедшими с Теодорихом Великим в Италию, но сохранившими связи с сородичами в конце V — 1-й трети VI в. (до византийско-остготской войны). Именно тогда тип Удине-Планис

был «на пике популярности» и в немалых количествах попадал за пределы Остготского королевства. В чуждой западногерманской среде остготские фибулы не тиражировались, но на Балканах вещи, связанные с королевством сородичей, находящимся в зените могущества, вполне могли вызвать интерес и ряд имитаций (на территории Болгарии известны остготские фибулы и других типов, см. Naralambieva in print). В контекст появления упрощенных форм в ходе контактов разных готских группировок хорошо вписывается и находка с периферии Остготского королевства — из Печинска Рика. С готками, женами византийских солдат (и/или иначе), такие фибулы стали попадать на Боспор после его присоединения к Империи в начале 530-х гг. и послужили образцом для довольно массового местного производства.

Итак, исходя из гипотезы 2, формирование балкано-понтитской серии датируется несколько позднее 493 г. (окончательное занятие Теодорихом Великим престола Итальянского королевства), но до 535 г., когда остготы стали врагами Империи. В среде готов, живших на Балканах, как подражание престижным итало-готским образцам, и сформировалась балкано-понтитская серия фибул типа Удине-Планис. В Нижней Мёзии она представлена вариантом 1, ставшим образцом для боспорского производства вскоре после начала 530-х гг. Скорее всего, фибулы варианта 1 делались как на северо-востоке Балкан (если экземпляр из Войниково и можно рассматривать как импорт из Крыма, то окончание ножки фибулы на рис. 2: 24 не имеет крымских аналогий), так и на Боспоре (см. Минасян 1998), а были в употреблении по крайней мере до 2-й половины VI в. (погребение 1 склепа 77 в Лучистом).

Процесс упрощения образцов варианта 1 балкано-понтитской серии связан уже только с Северным Причерноморьем. Типологически ближайшие переработки варианта 1 (вариант 4) известны лишь по находкам из Керчи (в византийское время — г. Боспор), где, судя по всему, и находился мощнейший центр производства фибул балкано-понтитской серии. Вариант 4 бытовал, судя по единственному имеющемуся реперу (керченский склеп 152/1904), около 2-й половины VI в., но вполне мог появиться несколько раньше. Кроме датировки появления еще более упрощенного варианте 2 не позднее середины VI в., следует отметить, что нижнюю границу вторичного использования склепа 152/1904, строго говоря, определяет дата первых захоронений,

с которыми связана пряжка гепидского круга (рис. 6: 23). Ее дата около 1-й половины VI в. общепризнана, но в какой части этого временного отрезка пряжка попала в склеп и как скоро он начал использоваться вторично (возможно, и в середине VI в.) — можно лишь гадать.

Вариант 3 типологически произведен от варианта 4 и имеет репер около последних десятилетий VI — начала VII вв. (могила 144 в Бжиде). Любопытно, что, в отличие от варианта 4, большинство находок варианта 3 сделано за пределами Боспора (рис. 9: д, е). Учитывая дату, не исключено, что этот «выброс» связан с разгромом Боспора тюрками Тюрксанфа в 576 г. и бегством некоторых боспорян. Но единичность хронологического репера и наличие в зонах «выброса» долговременных традиционных связей с Боспором (о Кавказе см. Гавритухин, Казанский 2006; о Поднепровье и землях королевства Меровингов см. Гавритухин 1997; 2010а), не позволяют настаивать на высказанной гипотезе, а тем более — исключать другие. Например, возможно, что мастера, изготавливавшие фибулы варианта 3, обслуживали группы боспорского населения, связанные с активностью за границей.

О боспорском импульсе в Поднепровье, связанным, наверное, с присутствием выходцев с Боспора (Гавритухин 1997), свидетельствует и находка из Черкасского уезда (рис. 8: 5), которая относится к особому варианту балкано-черноморской серии. Однако решение «вьюнка» на головной пластине этого экземпляра иное, чем у любого варианта рассматриваемой серии и у боспорских изделий вообще (см. образцы и основные элементы боспорских пальчатых фибул по: Засецкая 1998). Различные модификации 5-частного «вьюнка», неточная имитация которых выполнена на рассматриваемой застёжке, известны на ряде образцов Карпато-Дунайского региона и юга Восточной Европы, в том числе и оказавших влияние на фибулы Среднего Поднепровья (например, Гавритухин 1997: рис. 43; Fiedler 1992: Abb. 17: 3—4). Там же можно найти аналогии изображению головы зверя на конце ножке, выступам, намеченным на ножке близ дужки, необычным для боспорских фибул (такие примеры, как рис. 8: 8; Гавритухин 1997: рис. 43—45, можно умножить). Трудно отдать предпочтение одному из возможных вариантов объяснения такому сочетанию разнородных элементов. Это мог быть единичный пример адаптации понтийских образцов местным мастером, изделие с элементами «местной экзотики» понтийско-

го мастера «на выезде» и т.п. В отношении даты интересующей нас застежки можно сказать лишь то, что она не старше упрощенных вариантов балкано-понтийской серии, а сделана наверняка в период их популярности.

Вариант 2 балкано-черноморской серии, как свидетельствует типологический анализ, отражает отдельную линию упрощения варианта 1. Показательно, что, если не считать Болгарию, ареалы фибул вариантов 1 и 2 практически совпадают (рис. 9: в, г). Хронология керченского склепа 78/1907 позволяет считать, что вариант 2 начали делать на Боспоре вскоре после, если не одновременно с тем, как освоили производство варианта 1 — к середине VI в. Бытование варианта 2 было, судя по датировке керченского склепа 180/1904, довольно длительным, по крайней мере, до конца VI в.

Вариант 5 известен в двух пунктах, причем за пределами Боспора, близ построенной по приказу Юстиниана Великого крепости Алустон, контролировавшей путь на Боспор из важнейшего византийского центра в Крыму, Херсонеса/Херсона (рис. 9: ж). С окрестностями Херсонеса связан и вариант, представленный находкой в Родном, наиболее близкий варианту 5 (рис. 9: и). С типологической точки зрения эти варианты показывают особую линию упрощения варианта 1 и имеют хронологические реперы около 2-й половины VI в. (склеп 240 в Лучистом) и конец VI — первые десятилетия VII вв. (Родное). Нельзя исключить, что формирование вариантов 5 и Родное произошло в Юго-Западном Крыму, где есть образцы варианта 1, по тому же или близкому «сценарию», что варианты 2 и 4—3, явно связанных с Боспором. Не менее вероятно и то, что мы имеем дело с локальным центром производства, «отпочковавшимся» от Боспорского очага (ср. выше, о находке из Черкасского уезда). Для решения вопроса необходим более широкий круг источников и специальные исследования.

Если фибулы итало-германской серии типа Удине-Планис довольно определенно связаны с остготами, то вопрос об этническом составе людей, носивших застежки балкано-понтийской серии, много сложнее. Общеизвестно, что состав остготов, как и других народов, подвергался «ротации», особенно интенсивной в эпоху Великого переселения народов (специально о готах см. Вольфрам 2003; Щукин 2005). Соответственно, сородичи тех, кто стал остготами в Италии, не были «монолитом». Для территории Северо-Восточной Болгарии они принадлежали все же преимущественно нескольким группам готов, в раз-

ное время появившимся и оставшимся там жить, наряду с представителями других народов, имевших, судя по набору типов фибул и пряжек, традиционные связи с гепидами Потисья и другими германскими группировками (Хараламбиева 1992; Haralambieva 2001; 2002; in print).

Характер германского компонента населения Боспора — обширная дискуссионная тема (см. обзоры и основную литературу о германцах в Крыму в: Айбабин 1999; Казанский 1999; Щукин 2005). Судя по тому, что принесенные с чужими солдатами восточногерманские вещи были частью боспорян востребованы, этот компонент не потерял актуальности ко 2-й четверти VI в. Несомненно, он был достаточно весом и у населения Юго-Западного Крыма. При этом люди, хоронившие на керченском или лучистинском некрополях, принадлежали особым общностям, где восточногерманским был лишь один из компонентов, обусловивший открытость новым веяниям, исходившим от готов на западе. Еще сложнее говорить о «маркирующей» роли фибул в тех случаях, когда они на памятнике единичны. Например, в Пашковском могильнике или Бжиде рассматриваемые фибулы отражают традиционные для региона боспорские влияния (Гавритухин, Казанский 2006), не обязательно связанные именно с германским компонентом.

Ни для одной из фибул **дунайско-днепровской серии** типа Удине-Планис не известен комплекс, зато есть два свидетельства о местах производства — на Правобережье Среднего Поднепровья и на территории Северо-Восточной Болгарии (рис. 8: 6, 2). Своеобразный орнамент на ножке, показательный для этой серии, чужд стилям, получившим распространение в Крыму, но ему известны прототипы с территории Северной Болгарии (например, рис. 8: 8). Импульс в Среднее Поднепровье из регионов, связанных с Нижним Подунавьем, демонстрируют и фибулы еще одного типа (сейчас я называю его «Орадя — Градижск»), сложившегося в рамках форм, представленных на застежках типа Аквилея по Х. Кюну (Гавритухин 1997: 29, рис. 43—45; 2010а: 31—32). Об этой линии связей свидетельствуют и находки других фибул (ряд примеров см. в Гавритухин 2010б). Дату интересующей нас дунайско-днепровской серии (вероятно, VI век), определяет явное отличие от фибул эпохи, представленной в восточногерманских древностях фазой D3, с одной стороны (см. выше, в историографическом очерке), и вкладах круга

Мартыновки (Гавритухин, Обломский и др. 1996) — с другой.

Историко-культурный контекст дунайско-днепровской серии следует соотносить с восточногерманским компонентом, явным в древностях, связанных с пеньковской культурой, по крайней мере, на примере ряда типов фибул. Истоки этого компонента восходят к традициям черняховской культуры, частично сохранившимся в Поднепровье (например, Гавритухин 2007; 2010а), и поддерживались «подпитками» из центров, связанных с сородичами, ушедшими на запад, что могло происходить в формах частичных реэмиграций, сохранения традиционных связей и т. д. К VII в. эти традиции стали органичной частью уборов местного населения, отразившихся вкладах круга Мартыновского. Совершенно очевидно, что этот процесс начался заметно раньше и фибулы восточногерманского круга,

скорее всего, носили представители не неких чужеродных анклавов, а новой общности, в основе раннеславянской, но впитавшей ряд элементов иных традиций. Поскольку все находки дунайско-днепровской серии типа Удине-Планис сделаны вне контекста, мы не можем внести коррективы в приведенную общую картину.

Интенсивным днепровско-дунайским контактам способствовали связи ряда групп антов (я согласен, что они были основными носителями пеньковской культуры) и Византии, известные по сообщению о переговорах для заключения союзного договора в 546 г. (Proc. Vel. IV.14.32—34) и по многочисленным данным о службе антов в византийской армии. Находка образца дунайско-днепровской серии на востоке Крыма (рис. 8: 7) свидетельствует, что днепровско-крымские связи не были односторонними и в VI в.

* * *

Подведем **итоги**. Фибулы типа Удине-Планис принадлежат восточногерманской традиции пальчатых застежек, оформившейся в Среднем Подунавье во 2-й половине V в. Интересующий нас тип сложился и бытовал в Италии в период расцвета Остготского королевства (конец V — 1-я треть VI вв.). С представителями этого важного политического центра фибулы итало-германской серии типа Удине-Планис распространялись довольно широко, а в родственной среде на Балканах на их основе сложились варианты 1 и Печинска Рика балкано-понтийской серии. В 530-х гг. образцы варианта 1 с территории Северо-Восточной Болгарии попали на Боспор и стали основой нескольких линий массового местного производства (варианты 2 и 4—3). Изделия варианта 3 попадали в зоны, где боспорская активность фиксируется и другими находками: Северо-Западный Кавказ, Среднее Поднепровье (где фибулой из Черкасского уезда пред-

ставлен и пример переработки образца балкано-понтийской серии), королевство Меровингов. Фибулы варианта 5 и Родное показывают еще одну линию развития варианта 1 в Юго-Западном Крыму, самостоятельную локальную или «отпочковавшуюся» от боспорской. В восточногерманской среде на территории Северо-Восточной Болгарии к (или в) VI в. сложилась также дунайско-днепровская серия, варианты которой делались и использовались и в компактном регионе на Правобережье Среднего Поднепровья, связанном с группой населения, в культуре которого восточногерманские традиции были лишь одним из компонентов. Примеры двусторонних боспоро-среднеднепровских связей замыкают «треки» восточногерманских традиций, отраженных фибулами типа Удине-Планис. В конце VI или в 1-й половине VII вв. прекратилось производство и использование застежек рассматриваемого типа.

Литература

- Айбабин А. И. 1990. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени. *МАИЭТ* I, 3—86, 174—241.
- Айбабин А. И. 1999. *Этническая история ранневизантийского Крыма*. Симферополь: Дар.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 1996. Новый комплекс с пальчатыми фибулами с некрополя у с. Лучистое. *МАИЭТ* V, 85—93, 496—506.
- Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. 2008. *Могильник у села Лучистое* 1. Раскопки 1977, 1982—1984 годов. Боспорские исследования — Supplementum 4. Симферополь; Керчь: АДФ-Украина.
- Амброз А. К. 1966. Рец. на: Werner J. Katalog der Sammlung Diergardt (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1. CA (4). Berlin, 211—214.
- Амброз А. К. 1968. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма. *КСИА* 113, 10—23.
- Амброз А. К. 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. *СА* (2), 96—123.
- Амброз А. К. 1988. Основы периодизации южнокрымских могильников типа Суук-Су. В: Тимощук Б. А. (отв. ред.). *Древности славян и Руси*.

Петербургский апокриф. Послание от Марка

- Москва: Наука, 5—12.
- Амброз А. К. 1992. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей. *Боспорский сборник* (1). Москва: Архэ, 6—108.
- Амброз А. К. 1995. Юго-Западный Крым. Могильники IV—VII вв. *МАИЭТ IV*, 31—88.
- Веймарн Е. В., Амброз А. К. 1980. Большая пряжка из Скалистинского могильника (склеп 288). *СА* (3), 247—262.
- Гавритухин И. О. 1997. Боспор и Поднепровье в VI—VII вв. (К изучению северопонтийских ювелирных школ). В: (ред. не указан) *Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6—11 июня 1997 г. Тезисы докладов*. Симферополь: Ахтиар, 27—32.
- Гавритухин И. О. 2001а. Периодизация раннесредневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла. В: Малашев В. Ю. 2001. *Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка*. Москва: ИА РАН, 40—49, 146—148.
- Гавритухин И. О. 2001б. Эволюция восточноевропейских псевдопряжек. В: Стащенко Д. А. (отв. ред.). *Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Из истории костюма 2*. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 31—86.
- Гавритухин И. О. 2003. Боспорские фибулы середины V—VII вв. как показатели культурных связей. В: Зинько В. Н. (ред.-составитель). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья*. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь: Керченская областная типография, 66—68.
- Гавритухин И. О. 2007. Днепровское лесостепное Левобережье. Ингумации, связанные с культурой оседлого населения, и отдельные находки постгуннского времени. В: Гавритухин И. О., Обломский А. М. (ред.). *Восточная Европа в середине I тыс. н. э. Раннеславянский мир 9*. Москва: ИА РАН, 30—33, 67, 411—412.
- Гавритухин И. О. 2010а. Поздне- и постчерняховские традиции в «Большом Киевском треугольнике». В: Журба М. А., Шишкін Р. Г. (відп. ред.). *Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М. П. Драгоманова)*. Київ: НПУ ім. М. П. Драгоманова, 28—32.
- Гавритухин И. О. 2010б. Византийские подвязные фибулы с S-видной петлей для оси пружины. Находки к северу и востоку от Дуная. В: Исланова И. В., Родинкова В. Е. (ред.). *Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. Проблемы и материалы. Раннеславянский мир 13*. Москва: ИА РАН, 35—89.
- Гавритухин И. О., Казанский М. М. 2006. Боспор, тетрациты и Северный Кавказ во второй половине V—VI вв. *Археологические вести* 13, Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 297—344.
- Гавритухин И. О., Обломский А. М. и др. 1996. *Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. Раннеславянский мир 3*. Москва: ИА РАН.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В. 2003. Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья. Древности V—VII веков. В: Макарова Т. И., Плетнёва С. А. (отв. ред.). *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII века. Археология*. Москва: Наука, 191—193, 240—245.
- Засецкая И. П. 1990. Относительная хронология склепов позднеантичного и раннесредневекового боспорского некрополя (конец IV — начало VII вв.). *АСГЭ* 30, 97—106.
- Засецкая И. П. 1993. Материалы боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. н. э. *МАИЭТ III*, 23—105.
- Засецкая И. П. 1998. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода. *МАИЭТ VI*, 394—478.
- Засецкая И. П. 2005. О хронологии и взаимосвязи орлиноголовых пряжек из Боспорского некрополя и южнокрымских могильников раннесредневекового периода. *Нижеволжский археологический вестник* 7. Волгоград, 57—102.
- Казанский М. 1999. Готы на Боспоре Киммерийском. В: Левада М. Е. (ред.). *Сто лет черняховской культуры*. Киев: Товариство Археології та Антропології, 277—297.
- Казанский М. М. 2010. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. *Stratum plus* (4), 17—127.
- Калитинский А. 1928. К вопросу о некоторых формах двупластинчатых фибул из России. In: *Seminarium Kondakovianum* (II). Prague, 277—309.
- Корзухина Г. Ф. 1996. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников. *МАИЭТ V*, 352—435, 586—705.
- Мацулевич Л. А. 1926. *Серебряная чаша из Керчи*. Памятники Государственного Эрмитажа II. Ленинград.
- Мацулевич Л. А. 1934. *Погребение варварского князя в Восточной Европе*. ИГАИМК 112.
- Минасян Р. С. 1996. Данные о способах изготовления крымских пальчатых фибул. *МАИЭТ VI*, 479—489.
- Пьянков А. В. 2002. Погребение с пальчатой фибулой из могильника Бжид 1. *Материалы и исследования по археологии Кубани* (2). Краснодар, 105—115.
- Пудовин В. К. 1961. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. *СА* (1), 177—185.
- Пудовин В. К. 1962. Три боспорские лучевые фибулы (К вопросу о дате боспорских фибул). *СА* (3), 142—148.
- Хараламбиева А. 1992. Две готски фибулы от Западного некропол на Одессос. *Известия на Народния музей Варна* 28 (43), 137—143.
- Щукин М. Б. 2005. *Готский путь*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Эпоха Меровингов — Европа без границ*. Археология и история V—VIII вв. Каталог выставки. Menghin W. u. a. (Gesamtred.). Berlin: Minerva, 2007.
- Åberg N. 1923. *Die Goten und Langobarden in Italien*. Uppsala; Haag; Leipzig; Paris: in Kommission.
- Andrási J. 2008. *The Berthier-Delagarde Collection of Crimean Jewelry in the British Museum and Related material*. London: The British Museum.
- Bierbrauer V. 1971. Zu den ostgotische Bügelfibeln in Raetia II. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 36—1, 131—165.
- Bierbrauer V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien*. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo.
- Bierbrauer V. 1992. Historische Überlieferung und archäologischer Befund. Ostgermanische Einwanderer über Odoaker und Theoderich nach Italien. Aussa-

- gemöglichkeiten und Grenzen der Archäologie. In: Godłowski K., Madyda-Legutko R. (Red.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Secesja, 263—277.
- Bierbrauer V. 1995. Das Frauengrab von Castelbolognese in der Romagna (Italien) — Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 38 (1991), 541—592.
- Bierbrauer V. 2007. Neue ostgermanischen Grabfunde des 5. und 6. Jahrhunderts in Italien. *Acta Praehistorica et Archaeologica* 39, 93—124.
- Bitenc P., Knific T. 2008. Oggetti di origine ostrogota e ceramiche domestiche di epoca rivenute in Slovenia. In: Buora M., Villa L. (cur.). *Goti dall'oriente alle Alpi*. Archeologia di frontiera 7. Trieste: Editred sas, 98—108.
- Buora M. 2008. Per l'individuazione del sito di Planis. In: Buora M., Villa L. (cur.). *Goti dall'oriente alle Alpi*. Archeologia di frontiera 7. Trieste: Editred sas, 87—88.
- Fibule antiche del Friuli*. M. Buora, S. Seidel (cur.). Catalogi e monografie archeologiche dei Civici musei di Udine 9. Udine, 2008.
- Fiedler U. 1992. *Studien zu Gräberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau*. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH.
- Gavritukhin I. O. (in print). The belt fittings. In: Belinskij A. B., Härke H. *The Iron Age to early medieval cemetery of Klin-Yar: excavations 1994—96*. Berlin. *Germanen, Hunnen und Awaren*. Schätze der Völkerwanderungszeit. Ausstellungskatalog des Germanischen Nationalmuseums. Menghin W. (Hrsg.). Nürnberg: Verlag des Germanischen Nationalmuseum, 1987.
- Goti dall'oriente alle Alpi*. Archeologia di frontiera 7. Buora M., Villa L. (cur.). Trieste: Editred sas, 2006.
- Haralambieva A. 2001. Gepidisches Erbe südlich der unteren Donau. In: Istvánovits E., Kulcsár V. (red.). *International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st — 5th centuries A.D.* Aszód; Nyíregyháza: Osvád Gedeon Museum Found; Iósa András Museum, 453—460.
- Haralambieva A. 2002. Production of dress ornaments in the fortresses and settlements in North Bulgaria during the period from the 5th till the 7th century AD. In: Ruseva-Slokoska L., Ivanov R., Dinchev V. (eds.). *The Roman and Late Roman City*. Sofia: Prof. Marin Drinov Academic Publ. House, 393—397.
- Haralambieva A. (in print). Bow-Brooches of the Types Szekszard-Palabk and Udine-Planis as Archaeological Evidence of the East-German Heritage on the West Littoral of the Black Sea.
- Kazanski M. 1996. Les Germains orientaux au nord de la mer Noire pendant la seconde moitié du Ve et au VIe s. *МАИЭТ* V, 324—337, 567—581.
- Kazanski M. 1998. Les Barbares à Chersonèse (V^e—VIe s.). *ΕΥΡΥΧΙΑ. Mélanges offerts à Hélène Ahrweiler* II. Byzantina Sorbonensia 16. Paris, 329—344.
- Kazanski M. 2009. *Archéologie des peuples barbares*. București; Brăila: Ed. Academiei Române; Istros.
- Kazanski M., Périn P. 2009. “Foreign” objects in the Merovingian cemeteries of Northern Gaul. In: Quast D. (red.). *Foreigners in Early Medieval Europe*. Mainz: Verlag des RGZM, 149—167.
- Koch U. 2001. *Das alamannisch-fränkische Gräberfelder bei Pleidelsheim*. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg 60. Stuttgart: Kommissionsverlag; Konrad Theiss Verlag.
- Kühn H. 1940. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit in der Rheinprovinz*. Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag.
- Kühn H. 1974. *Die germanischen Bügelfibeln der Völkerwanderungszeit. Süddeutschland*. Graz: Akademische Drück- und Verlagsabstalt.
- Legoux R., Périn P., Vallet F. 2004. *Chronologie normalisée du mobilier funéraire mérovingien entre Manche et Lorraine*. Paris: A.F.A.M.
- Locert H., Pleterski A. 2003. *Altenerding in Oberbayern. Struktur des frühmittelalterlichen Gräberfeldes und “Etnogenese” der Bajuwaren*. Berlin: Bamberg; Ljubljana: Skrivaz; Difo Druck GmbH; Založba ZRC.
- Menke M. 1986. Archäologischen Befunde zu Ostgoten des 5. Jahrhundert in der Zone nordwärts der Alpen. In: Kmiecinski J. (red.). *Peregrinatio Gothica*. Archaeologia Baltica VII. Łódź, 239—281.
- Od rimljanov do slovanov. Predmeti*. Bitenc P., Knific T. (ur.). Ljubljana: Narodni Muzej Slovenije, 2001.
- Pilet C. 1994. *La nécropole de Saint-Martin-de-Fontenay. Calvados*. Paris: Éditions du C.N.R.S.
- Salin B. 1935. *Die altgermanische Thierornamentik*. Stockholm: Walström und Widstrem.
- Tejral J. 2002. Beiträge zur Chronologie des langobardischen Fundstoffes nördlich der mittleren Donau. In: Tejral J. (Hrsg.). *Probleme der frühen Merowingergzeit im Mitteldonauraum*. Spisy Archeologického ústavu AV ČR Brno 19. Brno, 313—358.
- Trenkmann U. 2008a. Nota sulla fibula di Planis con animali sul bordo. In: Buora M., Villa L. (cur.). *Goti dall'oriente alle Alpi*. Archeologia di frontiera 7. Trieste: Editred sas, 89—95.
- Trenkmann U. 2008b. Fibule di età altomedievale. In: M. Buora, S. Seidel (cur.). *Fibule antiche del Friuli*. Catalogi e monografie archeologiche dei Civici musei di Udine 9. Udine, 73—78.
- Vinski Z. 1973. O rovašenim fibulama ostrogota i tirinžana povodom rijetkog tirinškog nalaza u Saloni. *Vjesnik arheološkog muzeja u Zagrebu*. Serija 3. Sv. VI—VII (1972—1973), 177—227.
- Werner J. 1950. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts. In: Behrens G., Werner J. (Hrsg.). *Reinecke Festschrift zum 75. Geburtstag von Paul Reinecke am 25. September 1947*. Mainz: E. Schneider Verlag.
- Werner J. 1961a. *Katalog der Sammlung Diergardt* (Völkerwanderungszeitliche Schmuck). Die Fibeln 1. Berlin: Verlag Gerb. Mann.
- Werner J. 1961b. Ostgotische Bügelfibeln aus bajuwarischen Reihengrabern. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 29—1, 68—75.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2010 г.

Igor Gavritukhin (Moscow, Russia). Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences.

Гавритухин Игорь Олегович (Москва, Россия). Институт археологии Российской Академии Наук.

E-mail: gavritukhin@rambler.ru